
ОГОНЁК
№ 18 МАЙ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА

ДА ЗДРАВСТВУ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 18 (2235)

2 МАЯ 1970

Юрий КОРТНЕВ

КРАСНЫЕ СТИХИ

Красные блики на наших
плечах,
А на ветру пощелкивают
Красные флаги из кумача
Или празднично шелковые.

Красное шествие красной
волны
Красной площадью катит.
Красные строки людям
нужны
В самом красном плакате.
Красят колонны краски
весны,
И, пламенея, вторит им
Красное знамя нашей
страны —
Красная нить в истории!

Фото А. Гостева.

Т 1 МАЯ!

Предвыборное собрание на Московском заводе счетно-аналитических машин. Собрание единодушно постановило выдвинуть кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева.

Фото М. Скурихиной

Граждане Советского Союза! Активно участвуйте в избирательной кампании! Изберем в Верховный Совет СССР лучших представителей рабочих, колхозников, советской интеллигенции!

Да здравствует нерушимый блок коммунистов и беспартийных!

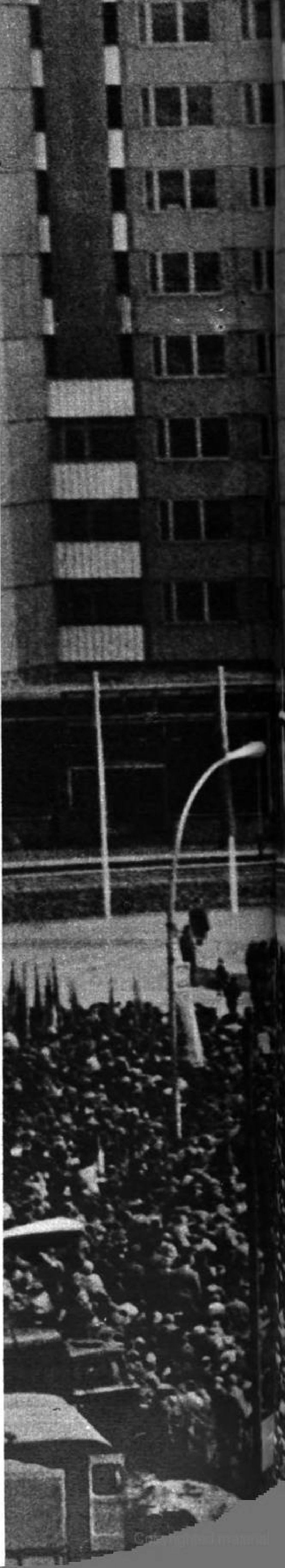
Из призывов ЦК КПСС.

НАРОД И ПАРТИЯ ЕДИНЫ!

По всей стране началось выдвижение кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР. Предвыборные собрания выливаются в яркое торжество социалистической демократии, они проходят в обстановке огромного политического и трудового подъема, вызванного празднованием столетия со дня рождения В. И. Ленина.

Среди первых кандидатов в депутаты — члены Политбюро Центрального Комитета КПСС товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, П. Е. Шелест, москвичи слесарь, Герой Социалистического Труда В. В. Ермилов и академик, ректор университета И. Г. Петровский, токарь-карусельщик ленинградского завода «Электросила» Ю. К. Сидоров, швея Тбилисской швейной фабрики № 1 Р. А. Сокурашвили, председатель колхоза имени Мичурина, Алма-Атинской области, К. Абдугулов, электрик таллинского завода «Вольта» Э. Я. Ардула, директор ереванской средней школы № 14 Т. Е. Шамамян и многие другие.

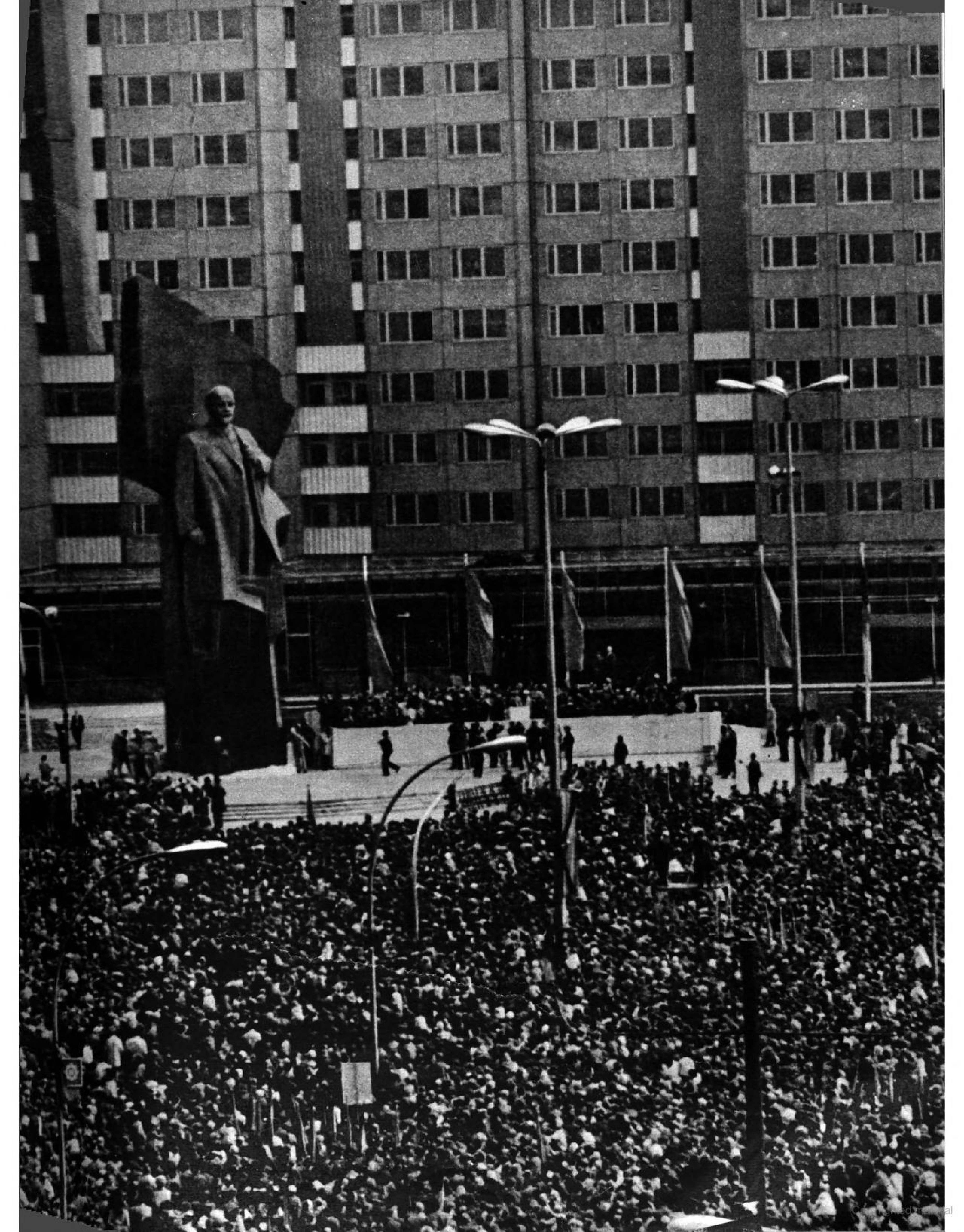
Как и прежде, в нынешней избирательной кампании Коммунистическая партия Советского Союза выступает в блоке, в тесном союзе с беспартийными. Народ и партия едины! И тот творческий подъем, с которым проходит сегодня по всей стране предвыборная кампания,— яркое тому свидетельство.

БЕРЛИН. ВЕСНА 1970 ГОДА

На площади имени Ленина открыт величественный памятник Владимиру Ильичу Ленину, сооруженный по проекту известного советского скульптора народного художника СССР Н. В. Томского.

Фото Е. Денисова (АПН)

ПОЗДРАВЛЯЕМ БРАТСКИЙ ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ НАРОД С 25-ЛЕТИЕМ СО ДНЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ!

ZDRAVÍME BRATRSKÝ ČESKOSLOVENSKÝ LID K 25. VÝROČÍ OSVOBOZENÍ!

Любомир ШТРОУГАЛ,
член Президиума ЦК КПЧ,
Председатель Правительства ЧССР

Через журнал «Огонек» передаю искренние поздравления всему советскому народу в связи с 25-й годовщиной освобождения нашей страны Советской Армией. Сегодня, так же как и четверть века назад, прочно связывают нас идеи Ленина, верность учению марксизма-ленинизма, совместно пролитая кровь и глубокие чувства любви, уважения и дружбы на вечные времена.

Желаю советскому народу дальнейших больших успехов в деле строительства коммунизма.

Юные граждане социалистической Чехословакии.

Словакия. Завод «Словнафт».

Улица Ленина в Праге.

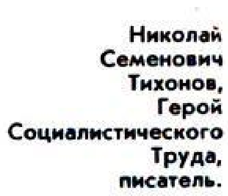
Фото Отакара Гурки
и Романа Витека.

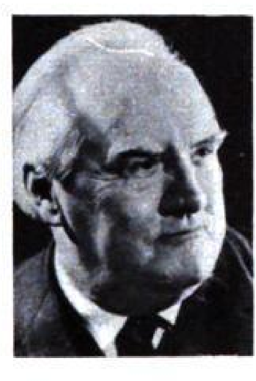
ЛАУРЕАТЫ ЮБИЛЕЙНОГО ГОДА

Отряд лауреатов Ленинской премии пополнился новой группой деятелей нашей социалистической культуры. Премиями имени Владимира Ильича Ленина отмечен ряд выдающихся работ, которые получили высокую оценку в советской печати, на конференциях читателей и зрителей, в письмах трудящихся.

Николай Васильевич Никитин, автор-конструктор Останкинской телевизионной башни.

Николай Семенович Тихонов, Герой Социалистического Труда, писатель.

Людмила Георгиевна Зыкина, народная артистка РСФСР.

Густав Густавович Эрнесакс, народный артист СССР.

Евгений Викторович Вучетич, Герой Социалистического Труда, народный художник СССР, скульптор.

Сергей Владимирович Михалков, заслуженный деятель искусств РСФСР, писатель

СЛОВО ЗАМЕСТИТЕЛЮ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ГАЗЕТЫ «РУДЕ ПРАВО».

СРОДНИЛИСЬ НАВЕКИ

Зденек ГОРЖЕНИ

Труднее всего мне пишется о дружбе.

Не потому, что это противоречит моему сердцу или не отвечает моим взглядам, моему убеждению.

Нет, это не так! Скорее всего потому, что я не хочу, чтобы тема эта стала будничной. Ведь речь идет о глубоком, серьезном вопросе, затрагивающем жизненные интересы моей родины, речь идет о дружбе не только между людьми, но и прежде всего между двумя нашими странами — Чехословакией и Советским Союзом.

Много лет назад, читая письма, которые советские люди писали в «Руде право», письма очень искренние и трогательные, я выписал в свой блокнот строки из письма, пришедшего из Лениногорска от печника С. А. Алексеева. Этот незнакомый мне человек, может быть, тот самый «рядовой», простой советский человек, написал, что «народы Чехословацкой Социалистической Республики и Советского Союза сроднились навеки».

Сроднились... Какое емкое слово нашел он, чтобы выразить истинный смысл гигантских изменений, которые произошли на исторических дорогах обеих наших стран! Да, они сроднились, стали не просто друзьями, но близкими по крови, родными.

И еще печник из Лениногорска написал: «Нет на нашей планете той силы, что могла бы нас разрознить».

Разрознить, то есть сделать разными, иными, чужими друг другу...

Я не знаю, о чем теперь, если бы нам довелось встретиться, захотел бы спросить меня советский друг из Лениногорска. Но я хотел бы, предваряя его вопрос, сказать: те, кто пытался разрознить наши страны, не имели ничего общего с истинными интересами нашего народа. Они были не только далеки от него, но и чужды.

Прошлое и сегодняшний день, давние связи и новые, которые нас сроднили и роднят, взяли верх над попытками этих людей нас разрознить. И это закономерно, такова неумолимая логика истории. Потому что наше родство идет из глубины веков, от самых корней нашего национального древа, и даже самому могучему урагану не вырвать его из матери-земли.

Мысленно я листаю страницы истории... Еще в 992 году мои предки вместе с предками печника из Киевской Руси заключили договор, который они назвали договором мира и любви.

Олицетворение революционных чешских традиций, славный воин Ян Жижка бок о бок с русскими, поляками и литовцами бил крестоносцев в 1410 году у Грюнвальда. «Русские зреют. Оттуда потомкам спасение»,— полтораста лет назад сказал один из известных просветителей чехословацкого народа, И. Юнгман. «Я хочу приехать в Россию,— писал его современник Ф. Челаковский,— там я вижу звезду свою».

И, наверное, эта переходившая от поколения к поколению уверенность предков в своем русском друге и соседе много лет спустя руководила подполковником Свободой, который из тьмы оккупации направлялся со своим батальоном на восток, чтобы искупить позор национального порабощения. Он мог выбрать иное направление. Но выбрал Россию. Советский Союз. «Оттуда потомкам спасение...», «там я вижу звезду свою».

И когда, уже генералом-победителем, взял он первую пядь родной земли,— а было это на Дукле в октябре 1944 года,— он написал: «После первых шагов по земле родины, после первых глотков воздуха моей отчизны, после первых поцелуев, с которыми наши солдаты припадали к родной земле, все мы непроизвольно оборачивались назад, к братской стране, откуда мы вышли в свой долгий, тяжелый и в конце концов победный путь. Этим мы хотели сказать: мы уходим, но не расстаемся навсегда. Эти границы мы в совместном бою очистили от врага, окропленные кровью самых лучших сынов советского и чехословацкого народов, эти границы нас не разделяют, а соединяют навсегда!»

«Соединяют навсегда». И я вспомнил слова печника Алексеева: «Сроднились мы навеки». Да, эти уходящие в историю корни нашей дружбы нельзя недооценивать. Это — прошлое, на основе которого мы возводили и будем строить дальше наш дом дружбы.

Один из мужественных чехословацких коммунистов, большой и горячий друг Советского Союза Петр Илемницкий, в одной из своих книг написал: «Для того, чтобы человек освободил себя, чтобы мы нашли дорогу к счастью, мы должны иметь компас в себе самих, в голове, сердце... Компас со стрелкой, которая одним концом показывает, что надо ненавидеть, а другим — за чем надо следовать».

Незнакомый мне русский друг из Лениногорска очень четко определил когда-то полюса этого компаса: «сроднились», «не разрознить».

Андрей САХАРОВ

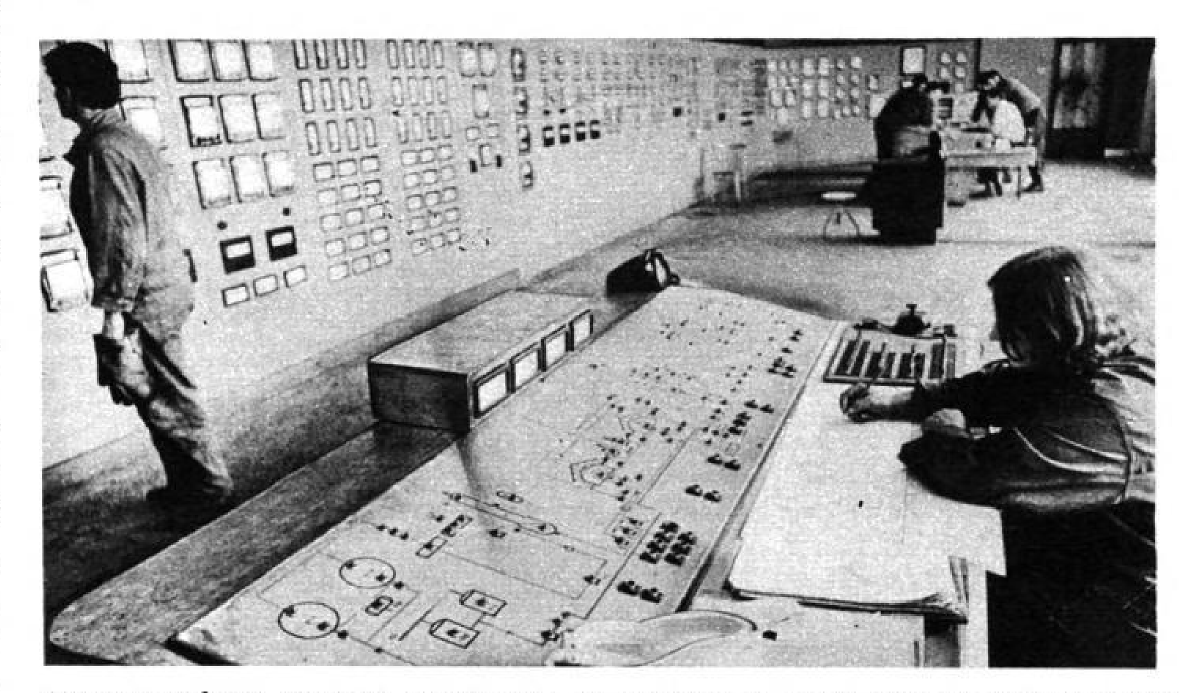
ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ ВЕСНА

Недавно МИД ЧССР организовал пресс-тур по Чехословакии группы журналистов социалистических стран — Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, СССР, Румынии, Югославии, а также представителей коммунистической прессы капиталистических стран — Италии, Франции, Израиля, Японии. Об этой поездке рассказывает член советской делегации.

●

Трудная нынче выдалась весна в Чехословакии. Небо в течение всего апреля было затянуто тучами, и сквозь них редко прорывались робкие, будто случайные лучи солнца. По ночам в Высоких Татрах гудели метели и даже в долинах выпадал плотный, тяжелый снег вперемежку с нудным, настойчивым дождем. И все же весна брала свое. То вдруг открывался в серой крыше неба голубой бездонный просвет, то вдруг веяло от реки совсем летней свежестью, а на склонах холмов, чуть только прекращался дождь, земля дымилась, сохла, и первые ростки озимых хлебов уже окрашивали ее в нежно-зеленые тона. «Ну, вот и перезимовали»,— говорили нам и в Словакии, в Кошицах, где начался наш маршрут, и в Чехии, в Праге, где он закончился. «Перезимовали...» Это слово часто можно сейчас услышать на заводах, в разговорах с партийными и хозяйственными работниками, и при этом имеются в виду отнюдь не метеорологические условия. Подчеркивая сложный политический климат в стране, миллионы простых людей Чехословакии, которые пережили праворевизионистскую стужу 1968 года, вновь приветствуют на своей земле подлинную весну социализма, ту весну, которая пришла в Чехословакию 25 лет назад вместе с Советской Армией-освободительницей, вместе с чехословацкими частями под командованием генерала Людвика Свободы, вместе с героями Словацкого восстания.

1970 год — год 25-летия освобождения — стал своеобразной вершиной, с которой народ Чехословакии оглядывается на пройденный путь. И, конечно, в первую очередь этот путь обозначен скупыми, конспективными, но удивительно емкими статистическими данными. Эти данные неизменно присутствовали в наших беседах с видными партийными и государственными деятелями Словакии, членом Президиума ЦК КПЧ, первым секретарем ЦК Коммунистической партии Словакии Й. Ленартом, председателем правительства Словацкой Социалистической Республики П. Цолоткой, председателем Словацкого Национального Совета О. Клокочем, с партийными и хозяйственными руководителями в Кошице и Банской Быстрице, Брно и Остраве, Готвальдове и Нитре, Млада Болеславе и Яблонце, Братиславе и Праге.

Молодые рабочие, молодые специалисты — их встретишь на любом предприятии Чехословакии.

Фото Отакара Гурки.

Социалистический общественный строй, народная власть, руководящая роль Коммунистической партии Чехословакии в обществе явились залогом грандиозных перемен во всех областях социальной, экономической, политической и культурной жизни республики. Сегодня каждый сознательный гражданин Чехословакии гордится тем, что за четверть века его страна по темпам экономического развития опередила многие высокоразвитые капиталистические страны, в том числе Францию, Англию, Бельгию, Австрию. По объему промышленного производства, который увеличился по сравнению с довоенным уровнем в шесть раз, Чехословакия к исходу 25-летия своего существования вошла в число наиболее развитых промышленных стран мира. Признаком высоких достижений чехословацкой промышленности является тот факт, что ее продукция прочно утвердилась на мировом рынке. Марка «Сделано в Чехословакии» сейчас одна из самых авторитетных в мире. По данным мировой статистики, на долю ЧССР падает лишь 0,4 процента населения земного шара, однако ее участие в международной торговле исчисляется в 1,4 процента, а по общему объему торговли Чехословакия занимает 15-е место среди всех стран мира.

Важным социально-экономическим итогом 25-летней истории страны явился перевод мелкого индивидуального сельского хозяйства на рельсы крупного социалистического производства. Кооперирование чехословацкой деревни изменило весь ее облик. Особенно заметными стали успехи некогда аграрной Словакии, которая отставала в своем развитии от западных областей страны на десятки лет. Например, Среднесловацкая область с центром в Банской Быстрице. Раньше это был отсталый аграрный край. За 25 последних лет область преобразилась. Здесь возникла крупная промышленность — металлургическая, химическая, легкая. Построено более 100 новых заводов. Ряд предприятий выстроен и оснащен с помощью СССР, ГДР и других социалистических стран.

Одновременно резко возрос жизненный уровень народа. Национальный доход в стране увеличился по сравнению с довоенным временем в три с половиной раза, а личное потребление—почти в два раза. Значительных успехов достигла наука. В 1939 году в Чехословакии было лишь 4 тысячи научных работников. В настоящее время их число выросло до 170 тысяч. Почти 1 миллиард крон ежегодно расходует государство на научные изыскания. Сегодня результаты научных исследований в Чехословакии представляют собой весомый вклад в мировую науку.

В беседах с участниками пресс-тура партийные и государственные деятели Чехословакии, работники культуры, искусства, журналисты говорили о достижениях и в других областях жизни страны: образования, здравоохранения, спорта, отдыха трудящихся.

Но цифры — это цифры. Журналиста всегда интересует вопрос: а как эти цифры претворяются в реальных человеческих судьбах, чем живет сегодняшняя Чехословакия?

...Кошицкий металлургический комбинат встретил нас во всей полноте своего трудового ритма. На комбинате трудятся 20 тысяч рабочих. Ежегодно Кошицы дают стране около 4 миллионов тонн высококачественной стали. Директор завода, член Президиума ЦК Компартии Словакии М. Ганко знакомит нас с планами комбината. Скоро вступит в строй вторая очередь сталеплавильного цеха. Здесь, на комбинате, все в движении, все устремлено в будущее. И каждый шаг этого будущего металлурги связывают не только с собственными трудовыми свершениями, но и с братской помощью социалистических стран, в первую очередь Советского Союза. Сегодня 70 процентов руды, на которой работает комбинат, поступает из Советского Союза. Слова «Кривой Рог», «Донбасс» произносятся здесь так же часто, как и название своего родного города. И не случайно секретарь Восточнословацкого обкома КПС Й. Благо сказал нам, что граница между Словакией и Советской Украиной — это граница дружбы двух республик. По территории Восточной Словакии проходит нефтепровод «Дружба». Местные ТЭЦ работают на советском антраците. Через Чиерну — эти восточные ворота Чехословакии — сплошным потоком идут грузы из СССР.

Такой же размеренный трудовой ритм, спокойную уверенность, хорошие перспективы мы увидели и на других крупных предприятиях ЧССР. Когда сегодня объезжаешь по многокилометровой трассе завод «Словнафт» в Братиславе, знакомишься с новыми гигантскими корпусами обувной фабрики «Свит» в Готвальдове, видишь современный конвейер завода ЗКЛ в Брно, то еще раз убеждаешься, что чехословацкому народу есть чем гордиться за 25 последних лет своей истории, есть что защищать.

Победа чехословацких коммунистов, рабочего класса, всего народа над праворевизионистскими силами создала хорошие предпосылки для дальнейшего развития чехословацкой экономики. На ведущих предприятиях страны вновь расширяется производство, растет производительность труда. На заводе ЗКЛ (Брно) она увеличилась с 10 процентов в 1969 году до 14 процентов в 1970 году, на «Словнафте» ожидается увеличение производительности труда с 15 процентов до 18 процентов.

Основу сегодняшнего прогресса чехословацкой экономики составляют люди, выросшие, получившие образование и ставшие специалистами своего дела уже в социалистической Чехословакии. Средний возраст рабочих на заводе «Словнафт» — 31 год, а руководителей завода и инженеров — 40 лет. Такая же картина на ЗКЛ, «Свите». Молодые рабочие, молодые специалисты в сочетании с опытными старыми кадрами — вот кто встает сегодня у руля чехословацкой промышленности.

В Чехословакии умеют не только хорошо работать, но и хорошо отдыхать. В Высоких Тат-

рах встречаешь вереницы машин по дорогам к домам отдыха, санаториям, горным отелям, кемпингам. Нам рассказали, что здесь с каждым месяцем число отдыхающих все увеличивается, поэтому в районе строятся новые туристские и спортивные базы, гостиницы. В прошлые годы в Татрах отдыхало 1,5 миллиона трудящихся. Судя по первым месяцам нынешнего года, эта цифра заметно возрастет. Почти все крупные заводы и комбинаты имеют свои дома отдыха. Мы были в «Злате Идке» — доме отдыха Кошицкого металлургического комбината. Удобные, просторные комнаты, большая столовая, тишина, а кругом горы и сосны.

В те дни, когда мы путешествовали по земле дружественной Чехословакии, города и села страны были расцвечены государственными флагами и флагами Советского Союза. Повсюду мы видели фотостенды, рассказывающие о тех незабываемых днях 1945 года, когда Советская Армия принесла стране освобождение. Волнующие встречи происходили в Словакии, в районах, где в 1944 году разгорелось Словацкое национальное восстание. В Высоких Татрах мы встречались с участниками восстания, бойцами 1-й партизанской бригады. Здесь хорошо помнят советских офицеров Величко, Леонова, Ахмадулина, сражавшихся плечом к плечу со словацкими повстанцами, и тепло вспоминают о дружбе двух братских армий.

А в городе Нитре мы были гостями преподавателей и студентов сельскохозяйственного института. В актовом зале — огромный транспарант «С Советским Союзом на вечные времена», знамена СССР и ЧССР.

Здесь учатся 3 200 студентов. 80 процентов из них — дети рабочих и крестьян. Мы разговариваем со студентами Яном Томашем, Яном Франченом, Ладиславом Мадьяром, Павлом Радзо. Почти все они, как, впрочем, и многие в Словакии, говорят по-русски. Ребята рассказывают о своих занятиях, о студенческой жизни. 75 процентов студентов получают стипендии, каждый студент обеспечивается трехразовым питанием, которое оплачивается на 2/3 государством. К услугам студентов прекрасные общежития, спортивный зал, плавательный бассейн, клуб.

Мы ехали по земле социалистической Чехословакии, встречая свидетельства дружеских чувств к нашему народу. В маленьком горном селении Вернер познакомились с семьей строительного рабочего Милана Шифры. В семье все говорят по-русски, этим летом Шифра с женой собирается совершить туристскую поездку в СССР. В Праге, в Музее В. И. Ленина, где в те дни буквально невозможно было протолкнуться, мы беседовали с рабочими, военными курсантами, учащимися технических училищ, школьниками, и это были всегда доброжелательные, сердечные собеседники. И где бы ни проезжала наша делегация, с кем бы нам ни приходилось беседовать, нас встречали сердечно, по-дружески, и в этих добрых словах, в десятках рукопожатий была та твердая вера в социализм, в его завоевания, которые в Чехословакии соединяют с добрыми отношениями к Советскому Союзу.

Подлинной демонстрацией дружеских чувств между чехословацким и советским народом стала манифестация в Братиславе 4 апреля 1970 года, посвященная 25-й годовщине освобождения города Советской Армией. Задолго до назначенного часа к зданию, где должно было состояться торжество, потянулись сотни людей. Мы увидели в зале все поколения. Знамена, транспаранты, здравицы в честь советско-чехословацкой дружбы. Когда в президиуме собрания появляются руководители Коммунистической партии и правительства ЧССР — В. Биляк, Л. Штроугал, Й. Ленарт, П. Цолотка и другие, а вместе с ними советский посол С. В. Червоненко, зал встает и устраивает продолжительную овацию. Собравшиеся восторженно встречают слова выступившего на манифестации члена Президиума ЦК КПЧ, секретаря ЦК КПЧ В. Биляка: «На протяжении всего 25-летия мы опирались на помощь и дружественное сотрудничество с Советским Союзом. Есть старая испытанная пословица: «В беде познаешь друга». В правдивости этой пословицы наш народ неоднократно убеждался за истекшие 25 лет на конкретных действиях советского народа, его правительства и Коммунистической партии Советского Союза. Поэтому нам радостно, что в рамках празднования 25-й годовщины освобождения Чехословакии Советской Армией будет подписан новый Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Чехословакией и Советским Союзом».

Однако не везде и не во всем чехословацкая весна сумела пробить себе дорогу: слишком много сугробов было наметено в 1968 году на пути трудящихся, коммунистической партии. Эти наносы оставили заметный след в сознании, психологии людей, и сейчас идет мучительная, но неизбежная переоценка ценностей. Сложность событий 1968 года состояла в том, что, пробравшись на многие ключевые посты, правые элементы навязывали широким народным массам сверху праворевизионистские, антисоциалистические и антисоветские лозунги и действия. Правооппортунистическая линия была принята как официальная линия партийного руководства периода 1968 года, которое от либерализма по отношению к правым, от внутрипартийных компромиссов быстро скатилось к поддержке правого оппортунизма. Правые шли на откровенный обман масс. Вместо того, чтобы взяться за исправление промахов, допущенных в области экономики в период 60-х годов, руководители «чехословацкой весны» пошли на авантюристическое повышение заработной платы, не подготовленное соответствующим уровнем производства, ростом производительности труда и наличием товарной продукции. Это должно было привести и привело к инфляционным явлениям. Один из основных принципов социалистического хозяйства — государственное планирование — был предан остракизму, и рыночная стихия стала властно прокладывать себе дорогу в области экономики, сея хаос и неразбериху.

Член Президиума ЦК КПЧ, первый секретарь ЦК Компартии Словакии Й. Ленарт в беседе с нами сказал, что главное, к чему стремились правые,— протащить закон о ликвидации государственного плана, государственной собственности, добиться полного сепаратизма предприятий. Их цель состояла в том, чтобы, породив экономический хаос, полностью дискредитировать социализм, а затем пойти на его уничтожение как общественного строя.

Все это привело к тому, что стали нарушаться принципы, выражавшие коренные интересы рабочего класса и всех трудящихся. Правые элементы в 1968 году стремились извратить роль профсоюзов в социалистическом обществе. А это, как рассказал нам секретарь по идеологии Среднесловацкого обкома КПС М. Бене, привело к отходу рабочих от партии. Одновременно в целях дезориентации людей раздавались голоса о том, что идеологическая работа в условиях общенародного государства, общенародной партии не нужна. И, прикрываясь такими фразами, всюду, где можно, насаждались антисоциалистические идеи.

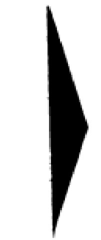
В тех случаях, когда честные коммунисты, рабочие пытались выступить против этого, им откровенно зажимали рот, грозили физической расправой. Тов. В. Биляк на манифестации в Братиславе подробно рассказал об этих действиях правых и контрреволюционных сил: «Как революция, так и контрреволюция могут быть кровавыми и бескровными. Если наш путь является революционным, то существуют силы, которые мешают ему, стремясь воспрепятствовать революции. Ведь речь идет о перевороте, о захвате власти. Если это удается осуществить без кровопролития, тем лучше. Физическая ликвидация кадров, как это было в Венгрии и в других странах, вызывает сопротивление и мобилизует всех честных людей на борьбу против тех элементов, которые прибегают к насилию. Моральная же ликвидация кадров, шельмование и запугивание их, как это делалось у нас, должны были привести к тому, что тысячи людей станут пассивными созерцателями событий».

В настоящее время правооппортунистические и контрреволюционные силы разгромлены в открытом политическом бою, но окончательно они еще не сломлены. Сейчас правые меняют тактику. Об этой новой тактике правых нам рассказали в областных и районных партийных организациях. О ней нам говорили в ЦК КПЧ. Наиболее оголтелые контрреволюционеры бежали на запад, а остальные, как говорят в Чехословакии, осуществляют «внутреннюю эмиграцию»: стараются стушеваться в идеологических сферах и закопаться в народное хозяйство, стремятся поддержать в людях состояние политической пассивности, активно выступают под псевдосоциалистическими лозунгами. Правые даже выступают сегодня за «единство» всего общества, подразумевая под этим и коллективную ответственность. При обмене партийных билетов правые стремятся остаться в рядах партии и в то же время агитируют рабочих за выход из партии. Они толкуют о «прощении», о «гуманизме» коммунистов.

К счастью, все эти методы раскрыты, разгаданы. Главное состоит в том, сказал во время встречи с участниками пресс-тура тов. В. Биляк, что партию поддерживают лучшие силы рабочего класса и трудового крестьянства, а это неизменно приведет к тому, что и другие социальные группы пойдут вместе с нами.

И для этого сейчас в ЧССР делается все необходимое. Оздоравливается и стабилизуется экономика, разрабатывается новый пятилетний план и план на 1971 год, развертывается активная политическая жизнь в общественных организациях. Наступление подлинной чехословацкой весны — неудержимо.

Братислава — Прага — Москва.

Одно из старейших металлургических предприятий Чехословакии — Объединенные сталеплавильные заводы в Кладно. Днем и ночью пламя доменных печей озаряет небо, днем и ночью выдают качественную сталь мартены и электропечи.

* * *

Кладно с давних пор называют «красным». Здесь, на металлургических предприятиях и шахтах, зрели революционные силы рабочего класса. Рабочий человек — главное богатство страны.

* * *

В Чехословакии очень любят цветы. Сиренью приветствовали пражане в памятные майские дни 1945 года советских солдат, которые принесли стране долгожданную свободу.

* * *

Не только ширококолейная железная дорога — дорога дружбы связывает Чехословакию с Советским Союзом, но и Дунай. По Дунаю плывут теплоходы под чехословацкими и советскими флагами, по Дунаю направляются в Советский Союз и пассажирские теплоходы, изготовленные на верфях в Комарно.

* * *

Так выглядит Злата Прага с площади перед Пражским кремлем. В хорошую погоду здесь останавливаются десятки легковых автомашин. Жители Праги называют свой город стобашенным. Действительно, если вы посмотрите вокруг, всюду над крышами домов возносится множество башен — башни старых храмов или новых домов.

* * *

Один из известнейших чешских замков — Карлштейн, построенный в XIV столетии, был когда-то местом, где хранились драгоценности для коронации чешских королей. Сейчас это место паломничества туристов.

Фото Отакара Гурки и Романа Витека.

ODEVY
CINZA

ГОДЫ ИСПЫТАНИЙ, УРОКОВ И ПОБЕД

Д-р Ян ЗЕЛЕНКА,
Генеральный директор Чехословацкого телевидения

Я принадлежу к поколению, которое родилось вскоре после первой мировой войны, прожило свою юность в буржуазной республике, чьи студенческие годы пришлись на время гитлеровской оккупации и войны. Писать о тех годах — значит вспоминать о юности, которая жила антифашистской борьбой, несмотря на опасность арестов, гестаповских допросов и угрозу концентрационных лагерей.

Читатель поэтому поймет, отчего с таким нетерпением ждали мы последний день войны, отчего с таким энтузиазмом утром 9 мая 1945 года мы приветствовали с баррикад Пражского восстания первые советские танки, обнимая усталых, запыленных в боях, героических солдат той великой войны. Последний день войны был для нас первым днем новой жизни. Мы были счастливы, мы осыпали своих освободителей сиренью, которая уже цвела во всех пражских садах.

С тех пор прошло 25 лет. Четверть столетия — длинный и краткий путь.

Я не хочу описывать все этапы развития, через которые прошло наше общество за минувшие годы. Однако мне кажется важным теперь, в дни юбилея, напомнить о двух важнейших моментах истории нашей страны. О годах 1948-м и 1968-м.

Освобождение Чехословакии от фашизма Советской Армией вызвало чувство огромной признательности советским людям и создало в нашей стране самую благоприятную почву для идей социализма и коммунизма. Если в предмюнхенской республике людей судили за публичное провозглашение лозунга «Да здравствует Советский Союз!», то после войны дружба с СССР стала главным стержнем правительственной политики. Широким слоям населения стал близким лозунг «С Советским Союзом — на вечные времена!» Коммунисты пришли с конструктивной программой, которая очищала страну от предателей, закладывала основы нового социального общественного устройства.

Происходит национализация банков, тяжелой промышленности. И старый буржуазный политик, президент доктор Бенеш поступается своими прежними позициями, боясь оказаться в противоречии с идеями, которые уже владели народом. В первый раз он отступил в 1943 году, когда был вынужден признать, что нет иной гарантии для будущего Чехословакии, чем договор о дружбе с Советским Союзом. Во второй раз он отступает, когда подписывает как президент освобожденной Чехословакии декреты о национализации, о передаче государству ключевых позиций в народном хозяйстве. В третий раз буржуазный политик отступает от своих «принципов» в феврале 1948 года, когда дело дошло до столкновения сил прогресса и реакции.

Буржуазия, сумевшая пристроиться к послевоенному правительству, видела, что ей грозит опасность ввиду возможности полной победы коммунистов. После первых послевоенных выборов в Учредительное национальное собрание Коммунистическая партия Чехословакии стала самой сильной партией в республике. Коммунист Клемент Готвальд стал председателем правительства. Авторитет партии был огромный. Буржуазия теряла позицию за позицией. Казалось, ей пришел на помощь неурожайный 1947 год, но Советский Союз помогает нам специальной поставкой пшеницы. Все знают, что советские люди сами далеко не купаются в излишках — война оставила свою печать на гигантских просторах этой страны. Помощь Советской страны вызывает новые чувства признательности у трудового люда. У реакции появился иной лозунг: «Чем хуже — тем лучше». Им хочется, чтобы национализированное хозяйство потерпело крах, им хочется доказать, что коммунисты не умеют управлять. Они надеются и на то, что не напрасно стоят американские подразделения на западных границах Чехословакии, и если возникнет внутренний конфликт, то...

Узнав о попытках организовать путч, руководство КПЧ немедленно готовит контратаку. После внезапной отставки буржуазных министров, надеявшихся на то, что правительство Готвальда падет, партия не потеряла ни минуты. Клемент Готвальд мастерски провел мобилизацию трудящихся. Партия организовала народную милицию, вооруженную часть рабочего класса.

И тогда в четвертый раз отступил буржуазный политик президент Бенеш. Он принял отставку реакционных министров и назначил новое правительство из передовых представителей возрожденного Национального фронта. Миллионы людей встали на сторону коммунистов. ФЕВРАЛЬ 1948 года вошел в историю Чехословакии как великая революционная победа. Была установлена диктатура пролетариата, устранены эксплуататорские классы. Под руководством КПЧ общество сосредоточило свои усилия на единой цели: строительство социализма.

...Прошло 20 лет после славного февраля. И наша страна, партия прошли через новое историческое испытание. В чем были главные причины событий 1968 года? Как могло случиться, что вдруг проявились силы, которые разрушали общество, насаждали анархию и готовили открытую контрреволюцию? После XIII съезда партии в КПЧ стали проникать субъективистские, оппортунистические иллюзии того, что уже преодолены все антагонистические классовые противоречия внутри нашего общества. Однако это было не так. Лишенные политических и хозяйственных позиций в феврале 1948 года, враги социализма остались здесь, в стране. Они не примирились с тем, что коммунисты выбили у них из рук оружие и Чехословакия окончательно стала на путь социализма. Они выжидали, караулили, когда же придет их шанс.

Существующие недостатки идеологической и политической работы еще задолго до января 1968 года открыли перед правыми силами определенные возможности закрепиться, в особенности на идеологических участках. Им удалось захватить кое-какие позиции в области культуры, и прежде всего в средствах массовой информации.

В тех критических тенденциях, которые появились перед январем 1968 года, руководство партии не сумело отделить честных коммунистов, стремившихся с марксистско-ленинских позиций к исправлению ошибок и деформаций, от врагов партии, правых оппортунистов. В этом одна из причин, почему позже значительная часть партии оказалась неподготовленной к тем политическим схваткам, перед лицом которых мы оказались после января 1968 года.

Другая же причина событий 1968 года — в руководстве, выбранном на пленуме ЦК КПЧ в январе 1968 года и измененном в апреле того же года. Это руководство оказалось политически разнородным, и, как вскоре выяснилось, в него проникли представители правооппортунистических сил. Такую ситуацию скоро раскусили организованные контрреволюционные силы. Они немедленно вышли на арену политической жизни и приблизительно с марта 1968 года начали уже без всяких препятствий влиять на ход политической жизни, тем более, что их помощниками, кроме ревизионистского крыла в руководстве партии, стали мощные средства массовой информации.

Антисоветизм усиливался на всех участках общественной жизни. Здоровые силы в нашей стране обращали внимание на опасность, которая стремительно возрастала внутри партии, в средствах информации и в различных полулегальных и нелегальных организациях. Руководство партии, однако, из-за своей разделенности и отсутствия единства не было способно на это реагировать. В решениях майского пленума ЦК КПЧ здравые голоса взяли верх, но на этом все и кончилось. Решение осталось лишь на бумаге.

Руководство партии во главе с Дубчеком не имело после января твердой программы. Реакция быстро поняла, как надо извлечь выгоду из этой ситуации. Используя временное ослабление партийного руководства государственной и общественной жизнью страны, спекулируя на требовании расширения «демократии», она развернула наступление на КПЧ, пытаясь повернуть страну на путь реставрации капитализма.

После опубликования известного контрреволюционного памфлета «2 000 слов» анархия в партии и вообще в политической жизни достигла такого размаха, что возникла прямая угроза делу социализма в ЧССР. Руководство партии вместо того, чтобы опереться в такой момент на братский союз социалистических стран, становилось все более и более глухим по отношению к предостерегающим голосам друзей. А в середине июля оно уже продемонстрировало перед всем миром открытый разрыв с партиями, которые собрались на встречу в Варшаве. Тем самым тогдашнее руководство нашей партии изолировало себя от своих самых верных друзей, и поддержало создание фальшивого общенародного единства, на платформе национализма и антисоветизма, которое провозглашали правые и антисоциалистические силы.

Должны ли были в этих условиях СССР и другие социалистические страны ждать, когда вспыхнет открытая контрреволюция, когда на площадях появятся виселицы, как это было в 1956 году в Венгрии? История бы никогда им

Прага. Вацлавская площадь... В 1948 году сотни тысяч людей ожидали здесь возвращения Клемента Готвальда с вестью о победе над реакцией.

Фото Романа Витека.

этого не простила. Верные своему интернациональному долгу и союзническим обязательствам, согласно декларации Братиславского совещания, они были вынуждены пойти на крайние меры: ввести вооруженные силы в Чехословакию. Руководство КПЧ во главе с Дубчеком вело тем временем свою игру дальше, и даже тогда, когда войска союзных армий пяти стран вступили в Чехословакию, чтобы остановить атаки антисоциалистических и контрреволюционных сил, партийное руководство Дубчека сделало заявление, которое, особенно в своих формулировках о нарушении международного права, полностью играло на руку антисоциалистическим силам, вызвав враждебную истерию в печати, радио и телевидении «против оккупантов» и широкую шовинистическую пропаганду, направленную против Советского Союза и других социалистических стран.

Теперь оставим историю. Советским читателям она достаточно известна. Фактом остается то, что планы контрреволюционеров не сбылись. Часть реакции удрала на Запад, туда, где она могла рассчитывать на защиту.

А как дела у нас дома? Новое руководство партии шаг за шагом укрепляет ряды коммунистов. Это не так легко. После «землетрясения», что принес 1968 год, после разрушений во всех областях жизни нелегко воссоздавать. Приходится прибегать к методам, непривычным при нормальном ходе жизни. Мы убедились в том, что есть необходимость очистить партию от всех тех, кто в прошедшие годы фактически разошелся с ленинизмом. Нам предстоит долгая, терпеливая работа с миллионами людей, которые должны для себя понять до конца все, что произошло в эти годы.

25-я годовщина освобождения Чехословакии Советской Армией должна стать большим этапом на пути к консолидации социалистического государства. У нас есть сегодня все предпосылки для того, чтобы преодолеть политические и экономические трудности. Мы снова стоим на твердой почве интернационализма. Консолидация не может осуществиться сразу и быстро. Но мы уже вновь идем по дороге марксизма-ленинизма, по единственному пути, который укрепляет силу социалистического содружества, а потому и гарантирует наши успехи сегодня и завтра.

Интервью «Огонька»

Специальный корреспондент «Огонька» Н. Цветкова встретилась в Праге с министром просвещения Чешской Социалистической Республики, членом-корреспондентом Чехословацкой Академии наук, профессором Яромиром ГРБЕКОМ и попросила ответить на несколько вопросов.

КЛЮЧИ ОТ БУДУЩЕГО

Вопрос. Товарищ министр, расскажите, пожалуйста, какие основные задачи стоят сегодня, в канун 25-летней годовщины освобождения страны от фашизма, в области просвещения?

Ответ. Сегодняшние задачи находятся в прямой связи с событиями 1968 года, которые показали, что наша молодежь в большинстве своем оказалась беззащитной от влияний правых антисоциалистических и антисоветских сил. Почему так случилось? Нынешнее молодое поколение только понаслышке знает, что такое капитализм, оно не видело истинного лица фашизма и, не имея своего жизненного и трудового опыта, легко поддалось демагогическому влиянию антисоциалистических сил. Главная наша задача сегодня — познакомить молодежь с ходом развития нашей страны, показать ей, что представляет собой современный мир и что значит утверждать новый общественный строй. Наше поколение успешно завершило борьбу за новый, справедливый общественный строй, открыло путь к строительству социализма. Всего этого мы достигли под руководством КПЧ и при самоотверженной помощи Советского Союза. Задачи нашей политики в области просвещения — учить и воспитывать молодежь как неотъемлемую составную часть и новую смену нашего трудового народа.

Вопрос. Вы много лет работали со студенческой молодежью и, конечно, хорошо знаете, какую ответственность несет за подрастающее поколение, за его моральное, идейное и политическое воспитание педагог, учитель. В его руках — ключи от будущего страны. Что представляет собой сегодня чехословацкий отряд педагогов?

Ответ. У нас есть примерно три категории педагогов. Те, кто уверенно и твердо в течение всей своей жизни стоял на позициях марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Это — партийное ядро, на которое мы сегодня опираемся. Вторая группа —

Прага, Набережная Сметаны

К. НИКИФОРОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

Свидетели тех радостных дней говорят, что май сорок пятого в Праге был полон света, тепла и цветов. А вот апрель был в тот год с ветрами и заморозками. Нынешний апрель тоже выдался холодным, но все равно, даже если природа и не успеет отогреться после суровой и долгой зимы, май снова будет полон света, тепла и цветов. Правда, это предсказание взято не у синоптиков, а из многочисленных писем, которые приходят сегодня со всех концов страны в Союз чехословацко-советской дружбы, в «Руде право», в другие газеты и журналы.

«Участники торжественного собрания работников завода ЧКД в Градце Кралове сегодня принимали у себя дорогих гостей — делегацию советских войск, чтобы вместе отметить знаменательный юбилей — 25-летие освобождения нашей родины Советской Армией,— написано в одном из них.— От всего сердца поздравляем весь советский народ, братскую Коммунистическую партию Советского Союза.

Мы глубоко ценим братскую дружбу Советского Союза и сделаем все для того, чтобы она никогда и ничем не была нарушена».

А вот еще письмо, даже не письмо, а, как пишут авторы, клятва, принятая 282 членами отделения Союза в Праге-Бржевнове.

«...Всегда и всюду мы будем защищать социализм в нашей стране. Никогда и никому не позволим свести нас с дороги марксизма-ленинизма. Для нас Союз Советских Социалистических Республик был, есть и будет ведущей силой прогресса, гарантией мира во всем мире и счастья человечества. Мы будем крепить дружбу с СССР и в свои ряды принимать только истинных друзей Советского Союза».

Только истинных друзей! Сколько их, истинных друзей нашей страны в Чехословакии? Миллионы. Были, есть и будут! Об этом убедительно повествует история.

...Я сижу с генеральным секретарем Союза чехословацко-советской дружбы Антонином Кроужилом в одной из комнат старого дома на набережной Сметаны, в центре Праги. Из окна — прекрасный вид на столицу. Степенно течет Влтава, спускаясь по каменным ступеням к знаменитому Карлову мосту. Чайки кружатся над водой, и дети, перегнувшись через перила, бросают птицам корм. Для них, этих пражских ребятишек, рассказ моего собеседника — страницы истории, которую им еще предстоит узнать.

— Наш Союз родился в обстановке острой классовой борьбы в двадцатые годы, за его плечами славное боевое прошлое. Передовые люди Чехии и Словакии горячо приветствовали тогда Великую Октябрьскую социалистическую революцию. В чешских землях проходили рабочие собрания под лозунгом «Мир — Советской России!»,— рассказывает мой собеседник.— Как среди рабочих, так и среди прогрессивной интеллигенции росли симпатии к Стране Советов, и представитель этой части интеллигенции профессор Зденек Неедлы призвал своих соотечественников помочь первому государству рабочих и крестьян. В 1925 году он создает «Общество экономического и культурного сближения с Новой Россией». Пять лет спустя Коммунистическая партия Чехословакии основывает «Союз друзей СССР», массовую про-

значительная часть преподавателей, которые временно стали жертвами демагогии, дезинформации и попали под влияние правых и антисоциалистических сил. Наша задача — дать таким людям правдивую информацию и привлечь на свою сторону. Короче говоря, мы должны сделать все, чтобы эти обманутые и ошибавшиеся люди сами, по своему внутреннему убеждению приняли нашу точку зрения, чтобы они сами с чистой совестью снова нашли свое настоящее место в социалистической школе.

И, наконец, третью категорию, относительно меньшую и действовавшую в основном в высших учебных заведениях и научных учреждениях, составляют инициаторы, организаторы и вдохновители антикоммунистических, антисоветских и антипартийных акций. Этих людей мы должны решительно устранить с нивы просвещения. Сейчас такого рода чистка педагогических рядов происходит на всех ступенях школ и вузов.

Вопрос. Год назад, когда начинался новый учебный год уже в условиях продолжающейся нормализации обстановки в стране, вы обратились по радио и телевидению к родителям с призывом помочь школе, а также детским и молодежным организациям оказывать единое воспитательное воздействие на молодое поколение. Сейчас, когда близится конец учебного года, что вы можете сказать о его итогах в этом плане?

Ответ. Мы не хотим переоценивать результаты. Это было бы огромной ошибкой. И тем не менее, реалистично оценивая их, можно сказать, что процесс консолидации идет успешно. Правые надеялись уйти в тень и продолжать действовать, но уже иными методами. Нам удалось изолировать их от большинства обманутых, дезинформированных людей, которые уже начинают прислушиваться к нашим аргументам, размышлять и менять свои мнения.

Рука об руку с этим процессом идет процесс обмена партийных билетов, который так или иначе затрагивает тысячи семей. Немало детей оказалось в тяжелой ситуации, когда школа учила одному, семья другому. Но у нас есть обоснованная надежда, что в относительно короткий срок нам удастся большинство детей вернуть к нормальной жизни. Только тогда мы достигнем желаемого сочетания: подрастающее поколение — школа — молодежные организации.

Мы, педагоги, хотим активно помочь процессу объединения молодежных организаций в нашей стране, так как одним из тяжелых последствий событий 1968 года было разрушение единой молодежной организации. Теперь постепенно обновляется это единство. Разумеется, мы хотим избежать ошибок, которые раньше были в молодежном движении,— формализма, отсутствия необходимого учета особенностей возраста и интересов. Мы хотим создать лучшую, но обязательно единую молодежную организацию. Надеемся, что уже к концу этого года удастся сделать значительный шаг к реализации этой задачи.

Вопрос. Известно, какой огромный вред нанесли молодежи правые и антисоциалистические силы. Какими методами сейчас преодолеваются последствия этой идеологической диверсии?

Ответ. Наш долг — дать молодежи убедительные доказательства правдивости и подлинной гуманности социалистического образа мысли и действий. Следует так же убедительно, на фактах показать юношам и девушкам, что в действительности скрывается за фасадом капиталистического общества. Надо им рассказать и опять-таки фактами убедить, что они напрасно поддались идеализации первой Чехословацкой республики и ее буржуазных политиков. Следует конкретно доказать молодежи правоту коммунистов, чтобы каждый сам мог сделать вывод, доподлинно зная, что и как было. Итак, факты и скрупулезный анализ событий прошлого — главный путь к сердцу молодого поколения. Другое направление — сделать все, чтобы молодежь глубоко осознала тот факт, что все мы живем в исторические дни, когда человечество впервые подошло к строительству социализма, а в перспективе — бесклассового коммунистического общества. И тут надо разъяснить, что задача эта не проста, что устранить эксплуатацию, воспрепятствовать войнам, дать людям благосостояние и счастье — это не утопия, а реальная программа, которая требует и самоотверженности, и честного трудового усилия, и энтузиазма. Мы хотим зажечь в сердцах молодых пламя, пылавшее в наших сердцах в 1945 году. Но для этого нужно вооружить молодежь основами материалистического мировоззрения, умением пользоваться марксистско-ленинским методом анализа. Мы думаем о подготовке новых учебников по основным вопросам развития общества: для средней школы, для студентов высших школ и для научных работников и учителей.

И еще одно направление работы с молодежью — непосредственные беседы коммунистов. Мне самому довелось принять участие в очень бурной массовой встрече с молодежью в одном из самых больших наших студенческих общежитий на Страгове. Туда собралось семь тысячи студентов и среди них группа наиагрессивнейше настроенной молодежи из числа правых. Четыре часа без перерыва шла открытая дискуссия. И выяснилось, что даже за четыре часа такой откровенной дискуссии можно нейтрализовать зачинщиков антисоциалистической полемики и внести сомнения, побудить к самостоятельному мышлению большинство колеблющихся.

При этом хочу подчеркнуть особо: мы строго придерживаемся принципа, что человеку ничего не угрожает, если он встанет и честно скажет: «Я с вами не согласен». Мы готовы с такими людьми вести честный спор. Но если кто-нибудь захочет подбрасывать листовки, порочащие социализм, если он будет угрожать физической расправой активистам молодежных организаций, мы без колебаний и сожалений обезвредим такого человека, согласно законам нашей страны. У нас максимум терпения и желания вести дискуссии с теми, кто заблуждается. Но нам не занимать решимости по отношению к тем, кто хочет вызвать анархию и хаос в высших учебных заведениях.

Перед нами стоят сегодня ответственные задачи — дать подрастающему поколению не только специальное образование, но и воспитать его морально, идейно, политически. Мы стремимся к тому, чтобы прогрессивная молодежь активно участвовала в жизни нашего общества, чтобы она нашла применение своему молодому энтузиазму. И я верю, что молодое поколение моей страны сумеет найти свое место в борьбе за прогресс, мир и социализм.

...В Москве, на Красной площади.

Фото А. Награльяна.

летарскую организацию, во главе которой становится известный политический деятель Ян Шмераль. Союз и Общество активно борются за установление дружеских связей с СССР и сотрудничество в борьбе против поднимавшего голову фашизма. И то, что в 1935 году буржуазное правительство было вынуждено заключить договор о взаимной помощи с Советской страной, было результатом упорной борьбы компартии при поддержке трудящихся и нашей передовой интеллигенции.

Следующая памятная страница истории Союза — 1945 год. Тогда, после освобождения страны от фашизма, эти две вновь возрожденные организации активно включаются в политическую деятельность, направленную на пропаганду социалистического пути развития Чехословакии.

— В феврале 1948 года,— продолжает Антонин Кроужил,— обе организации объединились, чтобы сплотить силы против заговора буржуазии. Ветераны Союза помнят, как к ним на съезд прямо со съезда рабочих заводских Советов пришел Клемент Готвальд и взволнованно, с негодованием рассказал о попытках буржуазии нарушить скрепленное кровью на полях сражений братство с народами СССР. «Рядом с Советским Союзом — на вечные времена!» — этот лозунг стал девизом Союза чехословацко-советской дружбы. После победы над реакцией в 1948 году крепнет и растет эта массовая организация друзей Советского Союза.

Из истории к сегодняшнему дню нас вернула секретарь ЦК СЧСД (Союза Чехословацко-Советской Дружбы), давняя сотрудница Союза Здена Кудрнова.

— Товарищ Кроужил, может быть, нам пора начинать? — спрашивает она, заглянув в комнату.

Он поднимается с места.

— Пойдемте со мною, у нас сегодня здесь одно важное событие.

Большой зал, куда мы пришли, заполнен празднично одетыми людьми. В одном углу вдруг замечаю гору чемоданов.

— Паспорта, паспорта проверьте, не забыли ли дома...— громко напоминает чей-то голос, и толпа приходит в движение.

В Союзе дружбы идут проводы делегации, уезжающей в Советский Союз. Это рабочие и технические работники завода «Авто-Прага», те мужественные люди, которые написали известное «Письмо 99-ти» в газету «Правда» летом 1968 года. Сегодня они едут — многие впервые в жизни — в Москву и Ульяновск.

Я подошла к некоторым из них и попросила дать короткое интервью перед дорогой.

Франтишек Горачек. Я еду к друзьям, которых я всегда защищал от хулы и которых всегда любил. Желаю и себе и всем, чтобы наша дружба, пройдя через испытания, стала действительно всенародной.

Йозеф Дубский. Это моя давняя мечта — побывать в стране советских друзей, которые нас никогда не обманывали в своей дружбе и не обманут. Это они доказали нам и в те тяжелые августовские дни.

Карел Бартонь. Я твердо верю, что дружеские связи между нашими народами станут еще крепче. Я еду в Москву впервые в жизни, еду с хорошим настроением, а моя внучка расстроена: уж очень ей хотелось бы отправиться вместе со мною.

Пора в путь. Я пожимаю протянутые руки, руки надежных друзей.

...День близится к концу. Завтра здесь, в этом доме на набережной Сметаны, он начнется новыми делами, новыми встречами.

Прага.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

ПЕРВОМАЙ ШАГАЕТ ПО ПЛАНЕТЕ

«Трудящиеся всех стран! Активнее вступайте в великую и благородную борьбу за мир, демократию, национальную независимость и социализм!»

Из Призывов ЦК КПСС к 1 Мая 1970 года.

1 мая 1886 года в Чикаго забастовали сотни тысяч рабочих, они требовали восьмичасового рабочего дня. Полиция учинила кровавую расправу над участниками первой в мире маевки.

...Много первомаев прошагало по планете с той поры.

1 Первомай знаменует собой дух международной солидарности, дух братства трудящихся всех стран. Он стал воплощением великих идей Маркса—Энгельса, выраженных в боевом кличе «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

2 Нынешний Первомай полон для трудящихся всего мира особого значения, он празднуется в знаменательный год столетия со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Юбилейные торжества, прошедшие по всей земле, стали смотром могучих сил социализма, свидетельством победоносного шествия марксистско-ленинских идей по всему миру.

3 Ярким примером солидарности трудящихся в наши дни стала поддержка борьбы героического вьетнамского народа против американской агрессии. Советский Союз и страны социалистического содружества выступают на стороне справедливого дела Вьетнама. Они оказывают активную помощь его борьбе за свободу и независимость.

4 Мощные манифестации в поддержку вьетнамского народа прокатились по всей Японии. «Требуем прекратить варварскую агрессию и убраться с чужих земель!» — заявляют тысячи демонстрантов.

5 «Долой сионизм!», «Не давайте денег Израилю!» — выступают с лозунгами протеста демонстранты в Лондоне. Все честные люди поддерживают борьбу арабов против сионизма.

6 «Долой апартеид!», «Белые и черные рабочие, боритесь против апартеида!»—с такими призывами выступают молодые бристольцы в Англии.

7 Вот она, подлинная «демократия» в ФРГ. «Кровавой пасхой» назвал фотокорреспондент эту схватку молодых западноберлинских немцев с полицией.

8 Сегодня снова охвачены тревогой все честные люди ФРГ. На их глазах возрождается нацизм. «Мы помним Аушвиц, Освенцим и Бухенвальд и предупреждаем: неофашизм — это снова война!» — заявляют они.

9 Все активнее разгорается в Латинской Америке борьба против засилья американских монополий. С требованиями улучшения жизненного уровня, повышения заработной платы выходят на улицы Монтевидео в Уругвае сотни бастующих трудящихся.

10 По-прежнему народ США находится в тупике вьетнамской войны, расовая проблема раздирает страну, безработица и голод преследуют миллионы рядовых американцев. На снимке — один из моментов схватки прогрессивной американской молодежи с полицией в Вашингтоне.

11 Март, 1970 год. Латинский квартал Парижа. Он известен миру не только как студенческий район. Здесь боевая французская молодежь, которая в едином строю с французскими коммунистами выступает за прогресс и демократию, борется за мир во всем мире. Эти двое молодых людей, возможно, однолетки, но оказались они по разные стороны баррикады.

Фото АПН, ЮПИ, Пренса-Латина, ТАСС, ЯПС — АПН, Центральбильд, из журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт».

Профессор в шинели

Георгий САВЧЕНКО

Рассказ

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА.

1

На вторые сутки под вечер профессора Лаврова сменили, чтобы он отдохнул до утра. Сделать это было необходимо. Так же необходимо долить масла в догорающую коптилку. Свет был нужен круглые сутки. И круглые сутки Владимир Святославович должен был стоять, четко орудовать инструментами.

Ему предложили поехать в машине. Он отказался и пошел пешком. После постоянного запаха йода и хлороформа в операционной на улице воздух казался свежим. А возможно, воздух был и не так уж чист. И даже наверное: надымили танки, проходившие весь день через город к линии фронта.

Было холодно. И не морозно, а зябко. Моросило — не то дождь, не то снег. Здания затянуло туманом. Изредка навстречу попадались прохожие.

В глубоком кармане шинели Владимир Святославович отыскал ключ, ощупывая пакетики, про которые он, видимо, забыл: что-то положила жена два дня назад, когда он уходил в госпиталь. Ключ не лез в замочную скважину: пальцы одеревенели, и это больше всего огорчало Владимира Святославовича.

Наконец он отпер дверь и вошел в квартиру. Снял шинель, резким движением смахнул с фуражки мокрый снег. Стал открывать двери в одну комнату, вторую... Они были темны и холодны, как пещеры.

Марию Павловну он нашел на кухне. Она спала, облокотившись о край газовой плиты. Две горелки светились едва приметным голубоватым пламенем.

— Пустили газ,— открыла глаза Мария Павловна.— Событие. Да к чему бы это?..— Тут она спохватилась: — Какой ты бледный! Бедненький...

Мария Павловна была моложе его лет на десять, красивая, бездетная сорокалетняя женщина.

— Будешь что-нибудь есть?

— Что-нибудь,— машинально повторил он, целуя ее руку, что делал всегда после разлуки, пусть и короткой.— Нас, кажется, питали... Но это не столь важно. Мной владела другая идея... Спать!

Владимир Святославович присел на сундучок у батареи и положил руки на холодные ребра радиатора. Он смотрел на свои руки, и его пугали побледневшие, казавшиеся восковыми пальцы. У него всегда были чуть-чуть розоватые руки и мягкие, очень подвижные пальцы.

Мария Павловна вышла в переднюю. Из шинели мужа она достала два пакета. В одном оказался табак. В другом — конфеты «подушечки», липкие, слежавшиеся.

— Будем чай пить!— положила пакеты перед мужем на стол Мария Павловна.

Владимир Святославович понюхал пакет.

— Табак? Откуда?

— Нашла в твоей шинели.

— Ах, вот как...

— Тебе симпатизирует молоденькая медсестра-интендантка, а ты и не догадываешься,— пошутила Мария Павловна.

— Вот я задам этим ин-тен-дан-там! Всякий раз подачки...

— Не сердись. Тебя любят. И, знаешь, я избаловалась, как ребенок. Спешу заглянуть в карманы твоей шинели: а не лежит ли там что-нибудь вкусное?

Она налила кипяток в чашку. Владимир Святославович привык пить чай из стакана. Но заварки не было, а видеть в стакане светлую воду он не мог.

— Я бы выкурил папиросу.

Мария Павловна набила табаком гильзы.

Владимир Святославович призакрыл глаза.

— Ты хотел спать, Володя...

— Пожалуй, я действительно прилягу. Тебе на крышу?

Она взглянула на часы.

— Не скоро. Мое дежурство с двенадцати.

В своем кабинете он разделся и лег в прохладную постель. Он знал, что уснет сразу же, стоит закрыть глаза. Но теперь ему захотелось побыть в своем кабинете бодрствуя. Целую вечность не садился он за письменный стол, не брал со стеллажей книг!

На отдельной полочке стоят книги, написанные им в разные годы. Мария Павловна выстроила их одна к одной. Как в музее... Владимир Святославович издали разглядывал переплеты, читал названия на корешках.

Война вынудила его «творить хирургические чудеса» — ампутации... Владимир Святославович был абсолютно штатским человеком.

Его маленькая больница — клиническое отделение научно-исследовательского института, где работал он столько счастливых мирных лет,— превращена в госпиталь. Коллеги сразу уехали на Урал, а он остался и решил покинуть город только в крайнем случае с нашими войсками, если фашистам удастся прорвать оборону.

Профессор стал забывать о том, что могут вообще существовать другие больные, кроме раненых. Да, несомненно, вся хирургия мирного времени перестала существовать. И больные, нуждающиеся в квалифицированной диагностике, исчезли.

Владимир Святославович вдавил папиросу в пепельницу и, ожегшись, поморщился. А ведь сегодня кто-то хотел ему напомнить, что он профессор Лавров, известный во всем медицинском мире, а не рядовой хирург. Санитарка Танюша доложила о посетителе, который просил, чтобы именно Лавров, а не кто-нибудь другой, поставил диагноз. Нашелся «нормальный» больной в страшном потоке окровавленных, изуродованных, которые выйдут из госпиталя калеками.

Жаль, что не рассказал об этом случае Марии Павловне. Такого может и не быть больше. Надо пойти и рассказать.

Он только подумал, но встать не смог, потому что через несколько секунд спал глубоким сном.

2

Разбудила его на рассвете Мария Павловна и сказала, что у подъезда стоит машина, за ним приехали.

Владимир Святославович не знал, что ночью фашисты сделали отчаянную попытку ворваться в город. Он не слышал разрывов бомб и снарядов. Он честно исполнял то, что от него требовалось,— спал. Теперь он чувствовал себя бодрее. И, как всегда, начал с гимнастики, открыв форточку. Ему необходима была отлично натренированная мускулатура.

— Шофер здесь,— прервала его занятия Мария Павловна.

— Пусть подождет.

— Они не могут ждать, Володя!— тихо произнесла Мария Павловна.

Владимир Святославович посмотрел на жену повнимательней.

— Бомбили?.. Скажи, что иду.

— Выпей чаю.

— Да-да.— Он взял полотенце и пошел в ванную.

Потом Владимир Святославович пил кипяток. Спешки ни при каких обстоятельствах он не допускал.

— Ну-с, я поехал,— целуя жену, сказал Владимир Святославович.

Он сел в черную «эмку», закурил папиросу. Спасибо, Мария Павловна постаралась — набила десятка два.

С моря дул ветер. Туман рассеялся. И было очень светло. Навстречу им попадались большие серебристые аэростаты. Их проносили по улицам ополченцы, держась руками за веревки. Аэростаты не спасли город. Многие здания дымились. Иногда Владимир Святославович видел одиноких, бегущих людей.

Пахло палеными тряпками.

— Много поступило?

— Как после светопреставления,— невесело пошутил шофер. Потом, вздохнув, добавил:— У вас только две руки, всем разве поможешь...

Владимир Святославович смотрел в сторону моря. Иногда оно открывалось в просветах меж зданиями. И было море такое же, как всегда,— огромное, непокоренное, вечное.

Шофер гнал по пустынным улицам, и приехали они быстро. А через несколько минут в операционной Владимир Святославович извлекал из груди раненого матроса раздробленные в крошки ребра.

Для раненых, прошедших первичную обработку, он установил очередность. В первую очередь к нему поступали с кровотечениями и ранениями грудной клетки. Потом с разрывами внутренних органов. Затем следовали трепанация черепа, переломы, ранения конечностей и, наконец, ампутации.

Он называл это порядком. И требовал от санитарок строжайше его соблюдать. Каждые два часа Владимир Святославович делал обход раненых. В руках у него был кусок мела. И он ставил на шинелях срочные крестики, а иногда и цифры.

3

Среди самых тяжелых, размещенных в палате перед операционной, с меловыми крестиками на шинелях, трое были в памяти. И был еще один солдат — четвертый — с ранением в голову. Иногда он кого-то звал жалобно, протяжно:

— Э-эй!

Но больше ничего произнести не мог. Замолкал, скрежетал зубами, словно его мучило что-то безнадежно забытое. А потом вдруг снова звал, звал...

Вся голова его, и глаза, и нос были забинтованы. Виден был лишь рыжеватый пушок над верхней губой. И сами губы — припухшие, в запекшейся крови. Санитарка Танюша, угловатая девушка, почти подросток, множество раз подбегала к нему, спрашивала, не хочет ли он чего-нибудь. Он не отвечал. Влажной ватой Танюша проводила по его губам.

Один из раненых оказался разговорчивым, рассказал Танюше, что звать его можно запросто Санькой, что он из Владимирской области, что ему двадцать пять, что до войны он работал на Мытищинском вагоноремонтном, поэтому первые вагоны метрополитена — его рук дело, что он холост по причине застенчивого характера, но девчата в него завсегда влюбляются. Замолкал он лишь, когда горлом шла кровь. Но кровотечение останавливалось — и все снова слышали его возбужденный голос.

В скуластом, курносом лице Саньки Танюша не замечала ничего примечательного, кроме глаз. Эти зеленоватые глаза жаждали жизни.

— Никонов!— шептал Санька угрюмому лейтенанту, которому казалось, что при взрыве у него все оторвалось внутри.— Никонов! Ты боишься?! Глаза у тебя круглые стали, словно у филина. Умереть сегодня страшно, а когда-нибудь ничего... Так, Никонов? Думаешь ты над этим?!

— Замолкни, балаболка,—отозвался Никонов, стараясь поправить шинель на груди.

— Э-эй!— разнеслось по палате.

— Ишь ты, санитарочку опять кличет,— подмигнул с озорством Санька.— Влюбился...

— Язык у тебя без костей!

— Вот правда! Ни одна девка не накололась, целовавши!

— Тьфу!— Никонов даже отвернулся.

— Не в себе солдатик,— тихим, проникновенным голосом заговорил третий раненый, Ткаченко.— К нему подойти бы, присесть рядом, подержать за руку, помочь вспомнить...

— Вот и подойди к нему, узнаешь все секреты,— шутил Санька.

— Какие секреты! — отвечал Ткаченко.— Може, он жинке что передать хочет. А я и сам двинуться не могу.

Ткаченко сморщился. Его воспаленные, как бы содранные, красные веки сомкнулись. До войны он был учителем, преподавал ботанику. И вид у него целомудренный, словно продолжал он жить в мире любимых тычинок и пестиков.

— Може, у него Оксана, може, Киля, а може, как моя жинка, Ярынка...

— Э-эй!— вновь разнеслось по палате.

— Громче говори, Ткаченко!— умоляюще просил Санька, которому больше не хотелось озорничать, а стало вдруг очень грустно.— Помоги солдату жену вспомнить!

Пришла Танюша, присела на койку рядом с Санькой. Знала она его каких-нибудь два часа, а вот привязалась и жалела. Почему-то вспоминала зеленые росистые луга над далекой родной Окой. И тогда ей хотелось, чтобы все это немедленно кончилось или вовсе ничего не было,— оказалось бы страшным сном.

Такое с ней бывало теперь часто: привязанность к раненым на день, на два, а то и вовсе на несколько часов. Они казались ей родными. Она и звала их «братишками». А потом они уходили или умирали. Те, что уходили, иногда оставляли адресок. Но она никому не писала. Некогда, незачем, да и новенькие «братишки» поступали.

4

В глубине палаты Танюша увидела мужчину в штатском. Он и вчера приходил, просил консультации профессора Лаврова. Танюша предложила ему обратиться к другим врачам, но мужчина признался, что осталась одна надежда на профессора. Танюша доложила Лаврову, но Владимир Святославович был занят, устал и рассердился: «Капризы!»

Пробраться через проходную большого труда сейчас не представляло. Люди часто приходили, разыскивали родных. Кроме того, на мужчине был халат, кургузый, мятый белый халат. Он робел еще больше, чем вчера. Танюша решила, что только полнейшее отчаяние заставило его снова прийти. Он растерянно оглядывался, словно что-то искал.

— Э-эй! — позвал солдат, раненный в голову.

Мужчина был рядом, опустился перед ним, поднял свисавшую на пол руку солдата, поправил шинельку и горячо прошептал:

— Потерпи. Осталось совсем немного. Профессор Лавров обязательно тебе поможет!

— Родственничек отыскался!— обрадовался Ткаченко.

— А он тебя всю ночь звал,— сказал мужчине Санька.

Мужчина видел, что солдаты ему улыбаются. И это его вдруг испугало.

— Нет-нет!— волнуясь, заторопился он все объяснить.— Я никого здесь не знаю...

Никонов приоткрыл один глаз, осмотрел странного посетителя.

— Штатский?— строго спросил он.— А почему не призваны? Танки делаете?

— Освобожден по болезни почек. Профессия у меня мирная — бухгалтер.

— Кому вы сейчас нужны?— разочарованно проговорил Санька.

— Пока город живет, люди должны получать зарплату.

— А мы кровью платим!— прохрипел Никонов.

Он приподнялся, собираясь что-то еще сказать, но тут же рухнул на койку.

Танюша сбегала за санитарами, и Никонова понесли в операционную.

— К профессору Лаврову!— с завистью проговорил мужчина.— Попасть на операционный стол к Лаврову — счастье...

— Не надо мне такого счастья.— Санька тяжело дышал.— Думаешь, если он тебе больные почки подрежет, ты до ста лет проживешь? Черт те с два!

— О себе я не думаю. У нас сын болен...

И тут произошло неожиданное, заставившее всех смутиться: мужчина заплакал, горько всхлипывая, закрыв лицо руками с узловатыми, распухшими суставами.

Он повернулся и пошел к выходу. Танюша смотрела ему вслед. Он плелся, ссутулясь, ковыляя, словно ему только что подшибли ноги. Танюше стало жаль его, очень! Она догнала мужчину, схватила за локоть:

— Ждите!

Он с надеждой смотрел на нее мокрыми, тусклыми глазами.

5

— Я осмотрю раненых,— сказал Владимир Святославович ассистентам, после того как сложная операция Никонова благополучно завершилась.— Среди прошедших первичную обработку надо установить порядок.

Он взял мел и вышел в палату. Теперь на шинели солдата, раненного в голову, появилась цифра 1, на шинели Саньки — 2. Владимир Святославович осматривал Ткаченко, когда из глубины палаты услышал крик:

— Профессор!

Владимир Святославович поднял голову. Через палату к нему двигались двое. Впереди шла женщина с ребенком на руках, а сзади, слегка даже подталкивая ее, шел высокий, худой мужчина. Оба встревоженные, несмелые, словно стыдящиеся чего-то.

Владимир Святославович строго взглянул на Танюшу, брови его сошлись на переносице.

— В чем дело? Почему у вас нет порядка?

— У них что-то с ребенком...

Владимир Святославович вспомнил, что ночью бомбили, и спросил:

— Куда ранен ребенок?

Они молчали, еще более смущенные и подавленные, чем прежде.

— Куда ранен ребенок?— повысил голос Владимир Святославович.

Мужчина взял на руки сына и, выступив вперед, сказал:

— Он не ранен, профессор, слава богу! Но мальчик, не переставая, кричит...

— Я не слышу его крика,— пожал плечами

Владимир Святославович, продолжая осмотр Ткаченко.

Ребенок, испуганный палатой раненых, только жался к отцу и хныкал капризно.

— У сына болит живот,— сказала женщина.

— Ну и что?— удивился Лавров.— Просто болит живот?

— Болит,— огорченно подтвердил мужчина.

Владимир Святославович повернулся к ним спиной.

И тогда снова заговорила мать ребенка, молодая, измученная женщина с распущенными волосами:

— Врач прописал желудочные капли, а сыночку не становится лучше. Сил нет больше видеть, как он страдает, как на наших глазах угасает его жизнь...—Она заплакала, кусая зубами платок.

— Так нельзя!— сказал Владимир Святославович, обращаясь к Танюше.— Нарушается поря-док! Здесь не место для подобных эмоций...

Мать ребенка сползла вдруг на колени, протянула к профессору руки:

— Пощадите нас!

— Встаньте!— жестко выкрикнул Лавров.— Да оглянитесь, где вы находитесь!

Женщина невидящим взглядом обвела раненых солдат, протягивая к ним руки, воскликнула:

— Пощадите!

Санька никогда не видел таких страшных женских глаз. У него шла горлом кровь, и он не мог сказать то, что хотел. Он только многозначительно моргал, стараясь дотянуться, тронуть рукой этого бесчувственного профессора.

Андрей ДОСТАЛЬ

Ветер Победы

Нынче город —
Веселый и пестрый,
И озера
Глаза открыли.
А у нас
За плечами —
Версты,
А у нас
За плечами —
Крылья,
А у нас
За плечами —
Знамена,
Пропыленные
Вечной славой.
(Помнишь ветер,
Приморский, соленый,
И альпийские
горные травы?)
Вот идем мы
По белому свету,
Входим в новые города.
И кружится
Седая планета,
И уходят
В былое года.
И приходят
За днями дни,
И пускай мы
Становимся старше,
Но идем мы
Все дальше и дальше,
Зажигая
Большие огни...

— Оставьте меня,— попросил Ткаченко Лаврова.— Займитесь ребенком.

Владимир Святославович впервые взглянул на мальчика: худой, лицо бледное, рыхлое, как и у всех недоедавших. Но вот глаза — черные провалы,— глаза больные.

— Я не детский врач,— суховато сказал Владимир Святославович, подходя к ребенку.— Ну-с, положите его вот сюда. Разденьте.

Он смотрел на мальчишку, испуганного, несчастного, видел его приоткрытый рот с редкими зубами, обметанные губы... Как он мог отказать! Как смел! Разумеется, и для этого мальчишки должно найтись место и время, пусть хоть бомбят...

Что за глупое оправдание он придумал—не детский врач? Почему он так сказал? Уж не подстраховывает ли себя?.. Странное волнение, знакомое лишь по времени студенчества, охватило его. А, может быть, не волнение вовсе — азарт!.. Владимир Святославович почувствовал на лбу испарину, но тут же успокоился.

Он начал осмотр ребенка. Пальцы его ползли по нежной кожице. Они были холодны, и мальчик вздрагивал, а кожа его покрывалась пупырышками. Владимир Святославович внимательно ощупал живот ребенка и не обнаружил никаких ощутимых отклонений. Селезенка и печень в норме. Но когда он прощупывал область печени, мальчик корчился.

Владимир Святославович быстро сжимал и разжимал пальцы правой руки, полагая, что они затекли, огрубели, потеряли нормальную чувствительность. Редко когда он делал осмотр дважды. Раньше, в мирное время, он не ошибался, его считали «богом диагностики»... Сейчас же ничего определенного Владимир Святославович сказать не смог бы и приступил снова к осмотру. Теперь он просил поворачивать мальчика на правый бок, на левый, на спину.

Громко тикали часы, отсчитывая секунды. Все молчали, следя за профессором. И даже солдат, что все время кого-то звал, теперь молчал. А профессор не мог скрыть своего волнения. Жилка на лбу вспухла, сделалась фиолетовой, запульсировала в такт учащенных ударов сердца.

Владимир Святославович уговаривал себя не волноваться, и все получится. У мальчика что-то обыкновенное, какая-то знакомая болезнь. Чуть-чуть больше спокойствия, надо забыть, что война, что кому-то он отрезает руки, ноги. Людей следует лечить от болезней...

Все молчали. Танюша тихо, чтобы не помешать профессору, подошла к солдату, раненному в голову, приложила зеркальце к губам — чисто.

Владимир Святославович в который раз осторожно ощупывал пальцами область печени у мальчишки. Он и глаза призакрыл. Пальцы его были как бы внутри, за тонкой кожицей. Они стали его глазами, его слухом, всеми его чувствами. Только пальцы... И они поймали наконец то, что причиняло страдания мальчику и его родителям. Они поймали воспаленный отросток — аппендикс. У мальчика он был расположен анормально, загнут за печень.

— В операционную!— скомандовал Лавров.

И все шумно вздохнули. Тут только Владимир Святославович понял, что и отчаявшийся отец мальчишки, и его жена, близкая к истерике, и раненые солдаты, и санитарка Танюша — они заметили его волнение. Но догадывался ли кто-нибудь из них об истинной причине? Они этого знать не могли. У Владимира Святославовича была своя, сугубо личная причина.

Когда он мыл руки, погас свет. Свет гас часто, и никто этому не удивлялся. Хирурги работали в полутьме. Кто-нибудь из ассистентов освещал карманным фонариком операционное поле.

Владимир Святославович распорядился не кипятить инструменты — уйдет время, пока разожгут печь, пока вскипит вода. Инструменты продезинфицировали карболкой.

Профессор приступил к операции. Вновь обрел он свое обычное спокойствие. И больше того, пребывал в подлинном вдохновении, которое так редко приходит к человеку.

Как-то, не предполагая, конечно, что так и будет, просто беседуя о призвании со студентами, он сравнил работу хирурга и летчика. Оба руководствуются приборами — только у хирурга это пальцы. Вслепую, доверяясь приборам, летчик благополучно ведет самолет на посадку. Хирург обязан доверять своим пальцам.

6

Тучи пришли с моря и легли на крыши домов. Теперь они не уйдут долго. Будут так висеть, давить на город, потонувший в тумане от дыма пожарищ. Запах гари першил в горле, и уличный моцион сегодня не доставил Владимиру Святославовичу обычного удовольствия.

И все-таки он продолжал пребывать в приподнятом настроении. Жаль, что на улицах так пустынно. А Владимиру Святославовичу хотелось бы кого-нибудь повстречать. Все-таки попадаются прохожие. Должен он встретить знакомого — у него в этом городе было много друзей.

Владимир Святославович даже пытался заглядывать в лица встречных. Но люди пробегали мимо, растворялись в тумане. Не может быть, чтобы на всем пути он не повстречал никого из знакомых!.. Он, конечно, их встречает, но они пробегают мимо, потому что не узнают профессора в шинели.

И дома Владимира Святославовича не покинула мысль пообщаться с друзьями.

— Машенька, а мы не приглашены сегодня в гости? Помнится, раньше от приглашений отбоя не было.

Мария Павловна посмотрела на него удивленно.

— Ты не любишь вспоминать, что было раньше...

— Значит, нас никто не звал в гости?— Владимир Святославович щелкнул пальцами, прошелся по кухне.— Может быть, мы сами напросимся?

— Что это значит? Ты не устал?— Мария Павловна с сомнением смотрела на мужа.— По какому это поводу?

— Повод всегда найдется,— весело сказал Владимир Святославович.— Да вот хотя бы... хотя бы последняя бутылка прекрасного грузинского «Киндзмараули»! Разве это не повод?.. Который месяц дожидается! Возьмем вино и поедем в гости. Остались же в этом городе живые души!..

Мария Павловна со смущением стала вдруг осматривать свой затрапезный наряд. В черной суконной юбке и в коричневом лыжном свитере из вигони она выглядела даже моложе своих лет, казалась проще и нравилась Владимиру Святославовичу.

— Надо развеяться, Маша!— сказал он жене, погладив ее волосы.— Иди же, звони кому-нибудь...

Мария Павловна все еще сомневалась.

— Волнуешься? Ну, хорошо. Я сам... Сейчас я полистаю телефонную книжку и вспомню тех, кто нам всегда будет рад.

Легкой походкой вышел он в коридор, взял с полочки телефонную книгу, стал листать. Все медленнее переворачивал страницы, потом задумался. И, что-то вспомнив, захлопнул книжку, бросил на столик. Быстро набрал номер госпиталя.

— Говорит Лавров. Добрый вечер. Я оперировал ребенка с аппендицитом... Анормальный случай... Да, все успешно, но я хотел бы навестить больного... Дежурила Танюша. Пожалуйста, поглядите в регистрационной книге...— Он ждал, томился этим ожиданием, вдруг воскликнул:— Есть? Диктуйте!

Владимир Святославович достал из кармана карандаш и записал на телефонной книжке, прямо на обложке, продиктованный ему адрес.

Вернувшись к Марии Павловне, он сказал так, как говорил когда-то в мирное время:

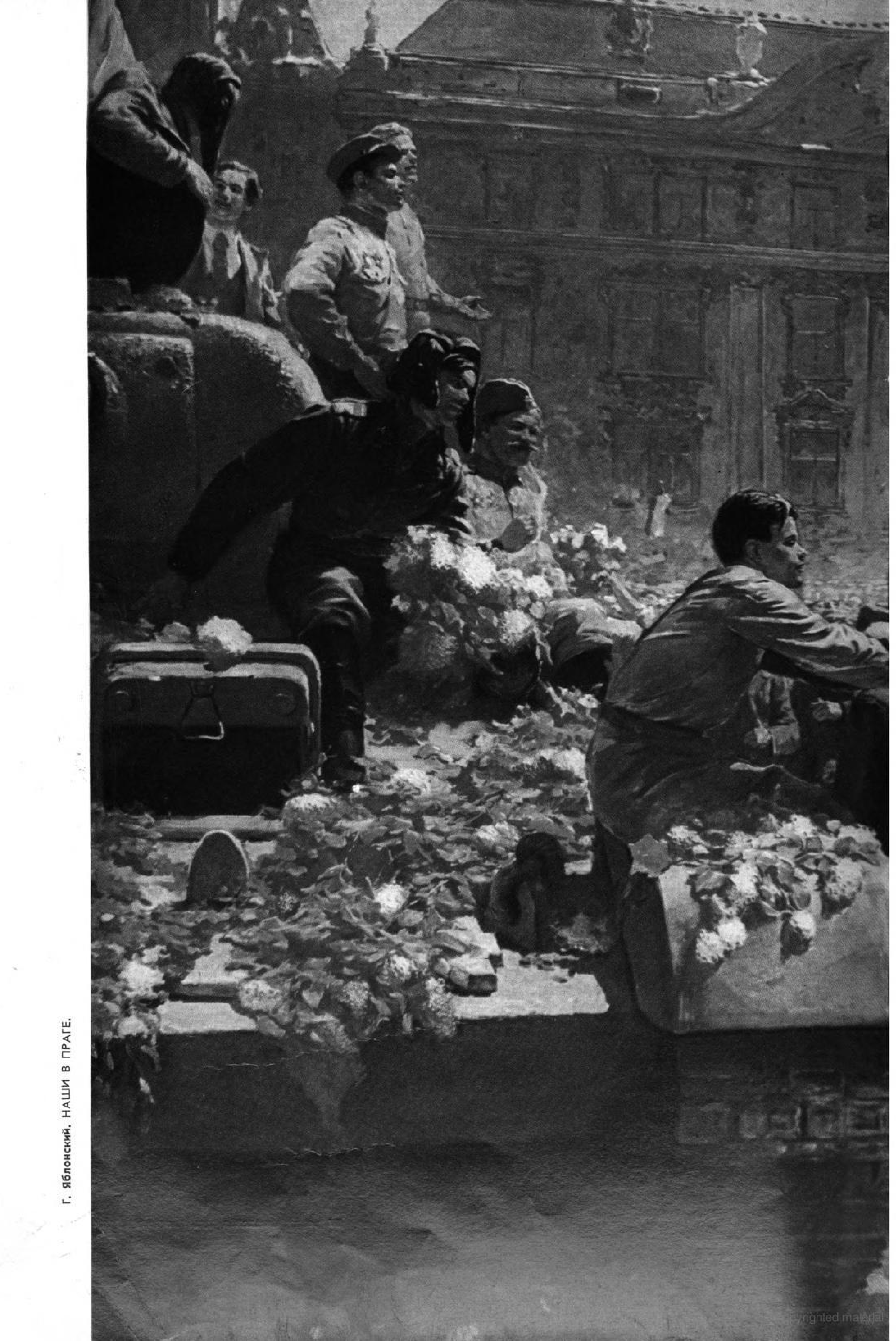
— Машенька! Срочно еду к больному. А в гости в другой раз!

Мария Павловна прижала к щекам руки и молча смотрела, как Владимир Святославович собирает свой докторский саквояж, с которым раньше ходил по вызовам... Да когда же это было? Такое неожиданное, радостное чувство охватило ее, словно вернулось что-то доброе, во что они уже переставали верить, словно в этот холодный, пасмурный день на какое-то время в их дом заглянуло солнце, напомнив, что оно светит.

В. Сафронов (Ульяновск). КЛЯТВА.

IV республиканская художественная выставка «Советская Россия».

Г. Яблонский. НАШИ В ПРАГЕ.

В. Загонек (Ленинград). МАЙСКИЕ ДОЖДИ.

IV республиканская художественная выставка «Советская Россия».

Михаил ГОРБУНОВ

* * *

О голубизна небесной глуби,
что зовет с неведомой поры...
Мы окно,
как Петр в Европу, рубим
в затканные тайнами миры.

Ну, а там,
в скрещеньях тьмы и света,
мертвых звезд безмолвная гульба.
Только наша
теплая планета
ходит, как голубка, голуба.

Человек, лишив себя покоя
и бредя в космической пыли,
наконец-то понял,
что такое
древний,
материнский зов земли.

И однажды кто-нибудь из юных
руки исцарапает в пути:
груды,
груды,
груды камней лунных...
Где же здесь березоньку найти!

ИЗБА

Ритмично вздрагивала палуба,
а там, в некошеном лугу,
с дымком вечерним
в небе палевом
плыла изба на берегу.

Изба
на фоне леса синего,
окошки с северной резьбой
вступили в связь необъяснимую
с тем, что оставлено тобой.

И все в тебе звучало тоненько,
слагалось просто и легко,
и плес лежал
большим подойником,
и в нем недвижно молоко.

Туда, на луг,
в свое и кровное
изба безвестная звала,
и от кормы дорожка ровная
под самый берег подошла.

Проплыли лебеди на бреющем.
И — путь-дорога далека —
над кровлей,
в небе вечереющем,
стоял
прощальный взмах дымка.

МАРТ

Синий март.
Серый март.
Запотелая лоза.
Отчего твои глаза
меж ресницами дымят?

От весенней красоты,
от вечерней маеты
под вигоневым платочком
щеки мартом налиты.

Вдоль проулков и дорог
дует теплый ветерок.
Говорили же подруги:
не давай себе зарок.
Потому что тает лед,
потому что парень ждет.
Он окликнет, скажет слово,
от крылечка отведет.

Потому что все равно
от его руки теплей.
Небо ходит, как вино,
в звонких кубках тополей.

Под лозой снежок примят.
Облака — в глуби, в глуби.
Ну, губи,
губи,
губи,
синий март,
серый март!

* * *

А весной и незримое зримо.
А в снежнице — небес купола.
А в разводьях лилового дыма
золотая ветла
зацвела.

Ради этой минуты и шел ты,
чтобы кепку сорвать с головы
и увидеть,
как в гнездышках желтых
раскрываются клювы листвы.

Диво дивное.
Тайная тайных.
Все другое — пройди стороной.
Средь лучей,
как средь рук повивальных,
первый вздох,
первый лепет земной.

Первый гомон ручьишки в полете —
будто где-то пустили юлу.
Торжествующей
бронзовой плотью
отекает смола по стволу.

Только это...
А все приложимо.
Только чтобы тропа привела
к паве
в шлейфах весеннего дыма —
так цветет
золотая ветла.

Только б крепли добротные нити
жизни с жизнью
в родимом краю...
А потом, в чем хотите, вините
причащенную душу мою.

* * *

Гневись, закон,
и хоть гони взашей
с презрением, оправданным веками,
но не люблю
законченных вещей —
строка в строку,
и камень вровень с камнем.

Но от всего, что ясно до конца,
от строгих форм,
величия ли, лоска
иду, ищу, дабы понять творца,
нелепый ребус первого наброска.

Он здесь творил, заветное тая,
не предрешал навечно и заране,
и вдохновенья алая струя,
как по ножу,
течет по этой грани.

Здесь мысль и жест —
как лошади — вразгон!
И ветер,
а не вечер и не ряска.
Скажи, непогрешимый мой закон,
зачем нужна
завязка и развязка!

О, эта грань!
Кипение кровй.
А дальше мир воистину неведом...

Божественна законченность любви...
Но вот закат
не тащится ли следом?

* * *

Михаилу Алексееву

Тот час —
как бы из счастья сотканный.
Март.
Вечер.
В избах огоньки.
Оранжевеют перед окнами
домашних отсветов платки.

Повызвездило.
Подморозило.
Хрустит печеной коркой лед.
Зеленых сумерек молозиво
вдоль стрех насупленных плывет.

Еще заря в лесу не выросла,
не стала темень на постой.
На грани
вычурного вымысла
сверкает серпик золотой.

В тот самый час,
в лета не канувший,
спешат на танцы и в кино,
квасочком хлещут
в красны камушки,
как на Руси заведено,

поют частушечки ядреные,
девчат целуют —
дым дугой!..

Иль умирают,
осененные
своей счастливою звездой.

А. СТАРКОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

ТОВАРИЩИ В

II

От Сент-Лазарского вокзала, близ которого на Московской улице расположен наш маленький отель под гордым, сразу возвысившим нас в собственных глазах названием «Резиденция маршалов», до Иври приблизительно такое же расстояние, как от площади Свердлова до Бабушкина. Можно на метро без пересадки: Седьмая его линия, проходящая недалеко от вокзала, заканчивается как раз в этом предместье. Но милейшая мадам Мишель из общества «Франция — СССР», опекающая нашу группу, прислала машину. На этот раз нас не двадцать, а двое. Со мной поехал писатель-переводчик Юрий Калугин, по-дружески вызвавшийся помогать мне в беседах. Маршрут почти такой же, как вчера, когда мы ездили в 14-й округ. А Иври примыкает к 13-му, соседнему с 14-м. Стоило немного свернуть в сторону, и мы бы снова повидались и с Мари-Роз и с Бонье и проехали бы мимо парка Монсури, где любил прогуливаться на досуге Ильич и где мы тоже посидели вчера у пруда с царственными лебедями... Старик таксист, для парижских шоферов необычно молчаливый, чудом не увязая в густом, засасывающем автомобильном месиве, довольно быстро доставил нас к месту. Мы въехали в Иври проспектом Мориса Тореза, который многие годы, до самой смерти, был депутатом национального собрания от этого города. Авеню Тореза, пролегающее вдоль парка Марселя Кашена, приводит к авеню Ленина, вливающемуся в центральную площадь. И тут здание мэрии, типичная постройка начала века, мрачноватое, с тяжелыми колоннами по фронтону; над входом флаг Франции. Надо пересечь площадь, пройти через сквер. На площади — распродажа, что-то вроде ярмарки, товары на земле — на ковриках, на простынях, на клеенках — в несколько рядов, и, чтобы не делать круга, мы лавируем между горками тарелок, грудами кофт, штабелями коробок с обувью, разыскивая кратчайший путь к мэрии...

Мэр назначил нам встречу на одиннадцать, но непредвиденные дела заняли его, и нас принял заместитель мэра Мариус Прюньер. У него лицо и руки докера. Я почти не ошибся, угадывая его прежнюю профессию: он начинал и в самом деле грузчиком, но не в порту, а на железнодорожной станции. Потом он имел отношение к реке, правда, в канцелярии, в конторе пароходной компании, которая поддерживала в то время связи с республиканской Испанией. В контору он попал после того, как был уволен с железной дороги. За что увольняют во Франции? За забастовку... Не было у него хороших отметок по поведению и на военной службе, на которой он не скрывал своих антивоенных настроений. Пехота, солдат второго разряда. Служил дважды: по призыву и по мобилизации, когда началась вторая мировая. Провоевал недолго, как и вся французская армия, разгромленная Гитлером. Пленение под Верденом. Лагерь в Восточной Пруссии, город Шверин. Освободили советские солдаты... И опять канцелярия. Но какая! Парламентский секретарь у Мориса Тореза. А он не давал засиживаться за бумагами, у него канцелярия была на колесах, на митингах, среди людей... Прюньер — ветеран партии. Это — официальное звание в ФКП. Вот карточка ветерана, она выдается коммунистам, начиная с 35-летнего стажа. А у него — 40. Столько же, сколько лет Жаку Лалоэ, мэру.

Все эти сведения были почерпнуты мною не в раз и не в самом начале разговора. Я вытягивал их полегонечку где-то уже в его середине. Не мог же я начинать с ходу с настырного расспроса. Начал я с того, что передал пакет, в котором лежали диск с речами В. И. Ленина, книга «Памятники и памятные места Красной Пресни» и чудесного полиграфического исполнения Ленинский календарь на 1970 год. А вместе с сувенирами — привет Эдуарда Саркисова, председателя Краснопресненского райисполкома, Лалоэ и Прюньеру, членам муниципалитета, комитета породнения, всем, с кем он здесь встречался, когда приезжал с делегацией. Передал я также и его благодарность за недавно присланную из Иври серию фотографий «Ленин в Париже»... На этом была завершена деловая, что ли, часть встречи, и потекла, как говорится в таких случаях, непринужденная беседа, некоторые результаты которой я выше и изложил. Я хотел уж заодно подобраться и к биографии мэра, спросил о ней его заместителя, но Прюньер сказал:

— Он сам расскажет... Впрочем, это не доставит ему никакого удовольствия. Я знаю лишь единственный случай, когда он давал интервью по поводу своей биографии. Пять лет назад, перед избранием его в мэры. У меня сохранилась эта статья, могу, если хотите, презентовать.

И он протянул мне газетную вырезку, я положил ее в папочку и вовремя это сделал, потому что в комнату вошел мэр...

(Приведу в выдержках корреспонденцию «Час с Жаком Лалоэ».

«Жак Лалоэ, который являлся помощником мэра Иври на протяжении последних шести лет, согласился дать нам интервью в связи с приближающимся 40-летием коммунистической мэрии.

На наш вопрос: «Где и когда ты родился?» — он отвечает: «Я родился 21 января 1931 года на территории 13-го округа Парижа, но сразу был перевезен родителями в Иври».

— Кто ты по профессии?

— Тонарь. Я обучался три года на авиационном предприятии «Сенекма». Потом работал там же, в экспериментальном цехе. В 1952 году уволили вместе с сотнями других забастовщиков... Вскоре меня выбрали в муниципалитет. Мне было 23 года. Я стал постоянным муниципальным советником, а затем помощником мэра.

— Что привело тебя в коммунистическую партию?

— Я стал коммунистом в 17 лет. Это был 1947 год, год плана Маршалла, изгнания коммунистов из правительства. Мною руководили ненависть к войне, к фашизму (гитлеровская оккупация наложила отпечаток на мои школьные годы), желание участвовать в борьбе коммунистов за свободную, независимую Францию.

— Ты женат? У тебя есть дети?

— Я женился в 24 года. У нас двое сыновей: Ги и Мишель.

— Твои увлечения, пристрастия?

— Обычные, как у многих. Кино... Но предпочитаю все-таки живой контакт с миром представлений. Театр! Хотя люблю слушать и диски, у меня большая коллекция... А увлечение, которое дает мне настоящий отдых,— рыбная ловля. И тут я опять «у власти», я президент клуба рыбаков...

— Ну и спорт?

— Футбол! А сейчас открыл для себя и гандбол.

— Много читаешь?

— Меньше, чем хотелось бы.

— Я слышал, что тебя собираются избрать мэром.

— После абсолютной победы на последних выборах в муниципалитет, одержанной коммунистами во главе с нашим Жоржем Марраном, который 40 лет был бессменным мэром Иври, он заявил, что пора выдвинуть на этот пост кого-то из молодых. Но ты же понимаешь, что заменить Жоржа Маррана как человека, с его авторитетом, партийным опытом, знанием жизни, невозможно. Можно только попытаться заместить в какой-то степени его функции как мэра. Кажется, это и придется сделать мне. Таково желание товарищей...»)

...в комнату вошел мэр.

Он легко и стремительно, как и подобает истинному французу, вступает в русло беседы и вот уже плывет вместе с нами по ее течению, будто и не отсутствовал. Спрашивает, где мы успели побывать за эти два дня.

— О-ля-ля! — восклицает, выслушав.— Вы увидели больше, чем я за всю жизнь в Париже. Но это ведь всегда так. Где живешь, там не видишь, что вокруг тебя. Я поднялся на Эйфелеву башню вот впервые лишь с Саркисовым, с делегацией. Но зато я уже пил кофе на «Седьмом небе» в Останкине, куда вы, наверное, еще не добрались.

— Не добрались,— подтверждаем мы дуэтом с Калугиным.— Ждем очереди.

— Хорошо быть гостем, туристом!

— Да еще когда тебя принимает Саркисов...— говорит Прюньер.

— Ты прав. Красная Пресня сама по себе затягивает, такой район! А еще и гостеприимство ее мэра... Правда, тут есть серьезная опасность. Можешь остальной Москвы не повидать. Саркисов не выпустит со своей территории, пока не сочтет, что все показал. А он этого никогда не сочтет. Я ему говорил: «Отомщу! Приедешь в Иври, не выпущу в Париж». Подействовало, повез по Москве. Вот тогда и поднялись на «Седьмое небо». А вообще-то несправедливо. Я был на Пресне дважды, а он в Иври один раз. Передайте, пожалуйста: ждем!

— И очень ждем школьников,— говорит Прюньер.— С ответным, так сказать, визитом. Наши ребята ездили в Москву. Жили там в пионерском лагере. Десять мальчиков и десять девочек. Учитель Андре Мэрк и учительница Жаклин дю Кастель из школы имени Тореза...

— Где директором мадам Лежандр? — спрашиваю я.

— Да-да, Жанна Лежандр. Вы с ней знакомы, виделись в Москве?

— Нет, к сожалению. Но везу ей поклон от Галины Шибановой, секретаря райкома партии, и Нины Чередник, заведующей роно.

— Роно... Звучит, как французская фамилия,— шутит Лалоэ.— И Ши-ба-нова и Че-ред-ник приезжали в Иври с Саркисовым. И был еще четвертый член делегации. Шофер автобуса. Сейчас вспомню фамилию. Тоже трудная. Лю-тиков.

Телефонный звонок. Трубку берет Прюньер. Очень обрадовался голосу, который услышал. Говорит, поглядывая на нас с Калугиным. Догадываюсь, что кто-то нас приглашает.

— По-моему, это мадам Лежандр,— шепчет мне Калугин.

— Мадам Лежандр ждет вас,— говорит Прюньер, кладя трубку.

Школа имени Тореза — на авеню Тореза.

Директор встречает нас у ворот. Она в темно-синем демисезонном пальто с узеньким меховым воротничком, с непокрытой головой, хотя холодно. Пересекаем большой двор, поднимаемся на крыльцо и сразу оказываемся в кабинете, тамбура-канцелярии нет. В окно виден весь двор, он пуст, но уже доносится откуда-то издалека все нарастающий ребячий гомон, и через минуту-две площадка набита разноцветной и разноголосой ребятней. Гвалт ужасный. Ну такой же, как и на наших школьных дворах в перемену.

— Кончилась первая смена. Это дети, матери которых работают в Париже и не оставляют их обеда. Кормим в школе. Они остаются здесь до вечера, до возвращения матерей домой. То, что называется у вас продленным днем. Нам понравилось, и мы ввели у себя. Муниципалитет выделил средства, часть платят родители.

У мадам Лежандр иссиня-черные волосы, темные-темные глаза... Но потерпев уже однажды неудачу с описанием внешности хранителя музея на Мари-Роз (там у меня все было голубое), не буду продолжать и сейчас. Кстати, не родственники ли они, Антуан и Жанна Лежандры. (Такой вопрос возник, наверно, и у читающих эти строки.) Спрашиваю:

— Вы не родственники...

— С товарищем Антуаном? — подхватывает мадам Лежандр, не впервые, видно, слышащая этот

Окончание. Начало см. «Огонек» № 17.

БОРЬБЕ

вопрос.— К моему огорчению, только однофамильцы. Я хотела бы быть в родстве с таким прекрасным человеком... Моя девичья фамилия Кросс.

Ну тут уж сам бог велит мне, не откладывая, потянуть биографическую ниточку.

— Вы давно преподаете?—спрашиваю я.

— Тридцать лет,— говорит она и вслед за этим восклицает шутливо: — О, как я неосторожна! Теперь вы сможете определить мой возраст... Но я начинала совсем-совсем молоденькой. Семнадцати лет. У отца. Он тоже был директор школы, но в отличие от своей дочери был очень богатый человек. Владел виноградными плантациями в департаменте Дордонь, на юго-западе. А фашистов не принял и оккупации не признал. Он проклял Петэна. И ушел в макѝ. Я тоже была в макѝ. Нет, я не стреляла и не взрывала поездов. Я была связной между отрядами макѝ в районе Бордо—Лимож. В одном из таких отрядов я познакомилась с моим будущим мужем Пьером. Вот он и стрелял и взрывал поезда. У него в группе сражались русские, бежавшие из плена... Мой отец после войны писал книгу об участии русских во французском Сопротивлении. Он собирал факты, разыскивал документы, устанавливал фамилии сражавшихся. Писал в Россию и получал оттуда письма. Он закончил книгу перед самой смертью в прошлом году и отослал рукопись в Москву... Отец оставался всю жизнь буржуа, но он не отверг дочери, когда она стала коммунисткой. Он уважал мои убеждения, хотя они были ему чужды... Я вступила в партию в 1946 году. Мой партийный стаж равен моему стажу материнскому: в тот год у нас родился сын Жан-Жак. Он инженер-химик. Второй сын, Раймонд, студент-медик. Оба со мной... После двадцати пяти лет жизни мы разошлись с Пьером.

Я перестал записывать.

— Нет-нет, пожалуйста. Тут нет секрета. Мы остались товарищами по партии...

Мадам Лежандр пригласила нас пройти по школе. Но мы не прошли, а пробежали, потому что должны были уже возвращаться в Париж: в этот день по туристскому графику предстояло еще несколько встреч и посещений... Классы были пусты, вторая смена еще не началась. В одном из классов старенькая учительница ходила между рядами парт и раскладывала тетради, видимо, проверенные ею. Очень мило раскланялась с нами. И я спросил мадам Лежандр:

— Эта учительница тоже коммунистка?

И вдруг, не дожидаясь перевода моих слов, одно из которых она сразу поняла, директор приложила палец к губам: «Тс-с...» А когда мы вышли в коридор, сказала:

— До этого вот месяца я была единственной коммунисткой в школе. Сейчас появилась еще мадам Рабо, переехавшая из другого города. Мне будет легче. Правда, большинство учителей охотно сотрудничает со мной. Кое-кто лоялен. А кому-то и не по душе имя, которое носит школа. Не нравится партия, к которой принадлежит директор. Эта симпатичная старушка как раз из таких.

Во дворе, когда мы направлялись к выходу, к нам бросилась наперерез высокая девушка в плаще-накидке.

— Жаклин... Это наша Жаклин,— сказала мадам Лежандр.— Она ездила с девочками в Москву. Они все уже в лицее. И из «москвичей» вот только одна Жаклин у нас и осталась.

— У меня сегодня нет уроков,— сказала Жаклин.— Я случайно зашла в школу. И вот узнала... Вы уже уезжаете? О, как жаль, как жаль, что нам не удалось поговорить. Я бы хотела и расспросить вас и передать приветы... У меня ведь столько друзей на Красной Пресне! Всем, всем кланяйтесь...

Мадам Лежандр и Жаклин вышли на улицу проводить нас. Подъехало такси, мы сели. Авеню Тореза широкое, прямое, далеко просматривается. И мы еще долго-долго видели в заднее стекло две женские фигурки возле здания школы...

...А возвратившись в Москву, я почти тут же, но уже не покидая ее, съездил еще разок в Иври. Но сначала я отправился в Новые Черемушки, в Первый автобусный парк, к Лютикову. Помните, Жак Лалоэ, мэр, говорил о нем? Владимир Николаевич Лютиков, шофер, Герой Социалистического Труда, приезжавший с делегацией Красной Пресни в Иври, сейчас не краснопресненец, год назад вместе со своим перебазировавшимся автопарком он перебрался на Юго-Запад, работает на новом маршруте: метро «Каховская» — Чертаново. Мне говорили, что у Лютикова имеются любопытные дневниковые записи, которые он вел во Франции. Я позвонил Владимиру Николаевичу, он согласился дать мне на вечер свой дневник. За ним-то я и поехал в Новые Черемушки. Чтение этих трех исписанных карандашом блокнотиков и стало для меня вторым путешествием в Иври. Кое-что я себе выписал...

«...Мы во Франции!

Завтракал в Рублеве, дома, обедал в Иври, близ Парижа. Для нас был накрыт стол в салоне Дома престарелых рабочих.

После обеда навестили старичков. У них хорошо. У каждого отдельная комната. Чистенько. Ниша с умывальником. Телевизор... Плата за жилье 100 франков в месяц, собственно 30, потому что 70 вносит муниципалитет...

...Торжественно передали в мэрии знамя Красной Пресни городу Иври.

Беседовали с мэром, его помощниками, членами муниципалитета.

В муниципалитете 35 человек: 33 коммуниста и 2 социалиста.

40 лет назад на выборах коммунисты добились превосходства над своими соперниками всего лишь в 30 голосов. На последних выборах за коммунистов было подано 70 процентов голосов.

По французским законам муниципалитеты сами распределяют государственные налоги по слоям населения. И по тому, как они это делают, как раскладывают на плательщиков все возрастающее налоговое бремя, и определяется их лицо, их классовый характер. В Иври 75 процентов налогов вносят промышленники, остальное — трудящиеся. А в Исси ле Мулино, где в муниципалитете преобладают социалисты, наоборот: 75 процентов налогов ложится на трудящихся и лишь остальное на капиталистов. «Мы заставляем платить богатых!» — сказал нам мэр. «И они не бегут от вас?» — спросили мы. «Кряхтят, но не бегут. У нас большой порт, отличные железнодорожные связи, близость к Парижу, обилие рабочей силы. И мы всячески используем эти наши преимущества, чтобы выжать из бедняг капиталистов все соки. Но соков у них хватает, держатся...»

...Мы не чувствуем себя гостями. Мы как дома, как на Пресне. Вошли в жизнь города, в жизнь его муниципалитета, живем его заботами, его волнениями. Даже летали с Жаком Лалоэ, Марнусом Прюньером и другими товарищами на юг, в Ниццу, на матч футбольных команд Ниццы и Иври. Был полный стадион, 20 000 зрителей. Мы болели, естественно, за своих. Первый удар по мячу сделал Жорж Марран, почетный мэр Иври, депутат Национального собрания, очень популярный во Франции человек. Но его удар не оказался счастливым. Наши проиграли со счетом 0 : 3. Команда-победительница поедет в Советский Союз. Мы вручили ее капитану приз—большой самовар. Так что они поедут «в Тулу со своим самоваром»...

...В городах большая загазовка воздуха...

Мне нравятся дублирующие светофоры. На одном столбе с основным светофором маленький. На уровне глаз шофера. И, проезжая близко, не надо высовываться, запрокидывать голову. Огни прямо перед тобой. Удобно.

Автобусу, трогающемуся с остановки, дается предпочтение перед остальным транспортом. По нашим же правилам я должен пропустить сначала машины, идущие в прямом направлении.

Здесь можно занимать под стоянку часть тротуара до желтой полосы.

...На приеме в мэрии познакомились с «королевой красоты» города Иври. Ее зовут Мари Жуазо. Приятная девушка, и краски ее не портят, стройненькая, можно даже сказать, что красивая. Но, честное слово, я видел и посимпатичнее у нас на Пресне. И это не местнический интерес во мне говорит. В самом деле так...

...Сижу в ресторане на Эйфелевой башне, слушаю музыку, разглядываю публику, любуюсь Парижем, раскинувшимся внизу, и вдруг, без всякой связи с окружающим, вспоминаю, что сегодня у нас в парке техосмотр. Как там моя машина? Козлову и Иванчикову все-таки трудновато вдвоем, без третьего сменщика...

...Еще в день приезда во Францию мы узнали, что на четверг 17 мая назначена общенациональная 24-часовая забастовка. В знак протеста против требования правительства предоставить ему особые полномочия в экономической и социальной областях. То есть против нового нажима на трудящихся. Инициаторы забастовки — профсоюзы, поддержанные всеми левыми партиями... Когда в мэрии, в день приезда, нашей делегации показали программу пребывания ее в Иври, там было предусмотрено и участие в демонстрации забастовщиков, которая состоится в Париже. Программу мы с удовольствием приняли, кроме, конечно, этого пункта про демонстрацию. Мы—гости и вмешиваться во внутренние дела Франции не собираемся.

Сегодня, семнадцатого, совсем рано утром, за мной пришла в гостиницу наша переводчица Даниэль и сказала, что меня ждут в автобусном парке. Я знал, что я должен быть там в другой день. Но Даниэль сказала, что меня очень ждут, и мы отправились.

Ворота парка были закрыты, около них пикет забастовщиков. Чуть подальше сгруппировалось человек тридцать, по-праздничному одетых. Они издали громко приветствовали меня. Я подошел, мы поздоровались. И один из них, молодой, красивый, с вьющимися волосами, назвал себя: — Генó. Я не знаю, имя это или фамилия. Уточнять было неудобно. Товарищ Гено сказал, что он секретарь ячейки коммунистов, что вся ячейка сейчас в сборе. И это редкий случай. Работа такая, что трудно собраться всем вместе... Он сказал, что хотелось бы побеседовать со мной, но у них всего лишь четверть часа в распоряжении. Они должны поспеть в Париж к месту сбора бастующих шоферов, а ехать-то не на чем, бастует весь транспорт и метро тоже. Ничего, как-нибудь доберутся. Может быть, и я с ними? Я сказал то, что мы уже говорили в мэрии. Что я только гость... И мы договорились, что я еще раз приеду к ним в парк для обстоятельного разговора. А пока мы обменялись значками. Вернее, я роздал им значки с Лениным, а у них значков в обмен не было, и Генó прикрепил мне к лацкану рядом со звездочкой свой номерной шоферский знак. На длинной, узкой пластинке витые цифирьки: 50347.

В полдень мы с товарищами по делегации поехали в Париж. Нам хотелось все же увидеть бастующий Париж, демонстрацию. Нас сопровождал Мариус Прюньер. Мэр был с демонстрантами... Мы разыскали где-то недалеко от площади Республики, как раз на пути демонстрантов, незакрывшееся кафе. Оно называлось «Эльзас». Хозяин — немец. Сказал, что не может ни накормить, ни напоить нас ничем горячим. Газ, электричество, горячая вода отключены. Пожалуйста, бутерброды, вино, холодный кофе. Мы сели на террасе так, чтобы видеть улицу. Она была запружена демонстрантами от берега до берега. Густая, шумная, выкрикивающая лозунги, поющая песни толпа. Плакаты, плакаты... Идут профессиональными кланами: машиностроители, учителя, железнодорожники, продавцы газет, парикмахеры, консьержки, шоферы... Я увидел Генó! Я увидел Генó с товарищами. И они увидели меня, замахали мне руками. Что я должен был сделать? Сделать вид, что я не вижу? Я замахал им в ответ. Конечно, это могло быть расценено как мое вмешательство во внутреннюю жизнь Франции. Но ведь у меня на лацкане был прикреплен парижский номерной знак шофера, и это могло послужить мне оправданием. И я еще вмешался. Когда я услышал пение «Интернационала», я тоже запел. Молча, про себя, даже не шевеля губами. И, взглянув на моих товарищей по делегации, увидев их глаза, я понял, что и они поют «Интернационал». Молча, про себя...»

...Этой записью из дневника коммуниста Лютикова я позволю себе закончить и собственный рассказ о поездке во Францию по ленинским местам, к которым относится не только квартира на улице Мари-Роз, не только Национальная библиотека в Париже, где Ленин был читателем, не только сарай в Лонжюмо, где он вел большевистскую партийную школу, но и Иври-на-Сене, где Ленин никогда не был, но где решением коммунистического муниципалитета главная улица названа «авеню Ленина»...

Литературное объединение при заводе Ростсельмаш отмечает свой юбилей. Когда закладывались заводские корпуса, состоялось первое занятие литгруппы Сельмашстроя.

Вот уже сорок лет регулярно в заводском Дворце культуры собираются молодые литераторы. Они приносят на суд товарищей свои рукописи, делятся творческими замыслами. Одни делают первые робкие шаги, другие уже далеко не новички.

За последние годы комбайностроители издали несколько книг, их произведения печатались в местных и центральных газетах и журналах, звучали по Московскому радио. Многие рабочие авторы стали профессиональными литераторами. Вот и совсем недавно в Союз писателей принят бывший рабочий метизного цеха Борис Примеров. Слесарь-сборщик А. Гриценко стал автором нескольких книг. Успешно работают М. Анисимова, В. Бобров, А. Геращенко.

Литгрупповцы — желанные гости в рабочих общежитиях, красных уголках. Они выступают в цехах, парках, библиотеках. Им в творческой работе помогают старшие товарищи — писатели Дона, сердечно желающие доброго пути молодым литераторам.

Р. ХАРЧЕНКО,
руководитель литературного объединения
при заводе Ростсельмаш

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЦЕХ РОСТСЕЛЬМАША

Николай ФУРСА

ОРЛЫ

Как это здорово!..
Раскинув крылья
И смело оторвавшись от скалы,
Величественной птичьей эскадрильей
Уходят в небо горные орлы.
Плывут неспешно в синеве небесной,
Как бы чертя незримую спираль.
А я, застыв над самым краем бездны,
Смотрю, волнуясь, в голубую даль.
...Они летят... Как путь их лучезарен!
Почти под солнцем, выше облаков...
Здесь, говорят, проездом был Гагарин,
И он фотографировал орлов.

●

Владимир ФРОЛОВ

* * *

Голубой, или синий-синий,
или просто — с отливом в синь...
Это детство мое!
Россия!
Это я — ее кровный сын.

Синецвет. Синеглаз. Синица.
О, как ласково и тепло!
В песню,
в сказку,
в стихи ложится —
складно, свадебно и светло.

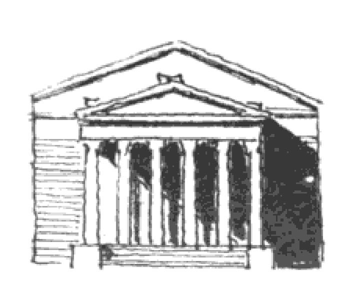
Это очень по-русски, милая!
Видно, в давнюю старину
и назвали нас всех Россиею
за бездонную синеву.

Р. ХАРЧЕНКО

В ВОЛГОГРАДСКОМ ТЕАТРЕ

В сорок третьем
земля содрогалась
от выстрелов.
Взгляд орудий
был к каждому дому
прикован...
А сегодня
театр драматический выстроен
здесь такой — хоть в столицу
на площадь Свердлова!
В ярком свете фойе.
К волгоградцам актеры
из Москвы
теплоходом по Волге приплыли.
Вот последний звонок.
Тишина.
Билетеры
в темноте у дверей
напряженно застыли.
А на сцене — война.
Небо дымом закрыто.
По сигналу ракеты
бросается рота...
Кто-то в публике тихо:
— Тогда замполита
потеряли в бою мы
у этого дзота.
...Стало тесно в театре
прибою оваций...
И артистам приятно,
что в зрительном зале
их игру оценили
друзья-сталинградцы,
те, кого они так
вдохновенно играли.

В. ТОЛМАЧЕВ

* * *

Я маленьким в детстве не был:
Мы рано в войну взрослели.
На лучиках солнца небо
Свисало большими качелями.

Но я не хотел качелей.
С утра выбегал к воротам.
Мальчишка почти ничейный
Отца дожидался с фронта.

И радость вошла в наш дом,
Разбрызгана тишь трехрядкой.
Зовет меня нежно сынком
В шинели военной дядька.

Как праздник детишкам всем,—
Бегут в одежонке порванной.
Отцов не хватило на всех,
Но радость делили мы поровну.

●

И. КУДРЯВЦЕВ

СЛОВО АЛЕКСАНДРА МАТРОСОВА

По зову совести и роты,
По мановению времен
Я очередью пулеметной
К щиту бессмертья пригвожден,

Но за минуту перед этим
Из амбразурного окна
Светился ядовитым светом,
Как жало, язычок огня.

А я был жив и невредим,
Но на снегу друзья лежали,
И раны были, как медали,
Посмертно выданные им.

Евгений ГЛОБЕНКО

ЗАВОДСКАЯ АЛЛЕЯ ГЕРОЕВ

Здесь, словно прошлых лет гряда,
Легла бессмертия граница.
Героев ратного труда
Навек застыли в бронзе лица.
Те, кто за Родину свою
Отдали жизнь в бою с врагами,
Стоят, как в боевом строю,
На постаментах перед нами!
Рассветы над землей встают,
Идут рабочие завода
И честь безмолвно отдают
Своим трудом сынам народа!

●

Гергард ЭБЕРГ

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА СПУСТЯ

Земля таит под вспаханным покровом
следы жестоких, затяжных боев.
Она молчит.
У ней не вырвешь слова!
А без него — трудней сказать свое.
Растерянно оглянешься назад,—
рябит, мерцая, весь заросший ерик.
Одна лишь память может подсказать:
в траве валун белеет,
точно череп.
За русский штык ты примешь хворостину,—
где, омывая илистую мель,
у камыша волна качает тину,
как вражескую мокрую шинель.

Пустой рукав рубахи теребя,
присядешь ты...
Закуришь «Нашу марку».
Светла лицом луна, как санитарка,
что под обстрелом вынесла тебя.

●

Надежда НОВИКОВА

ПОЕЗДА

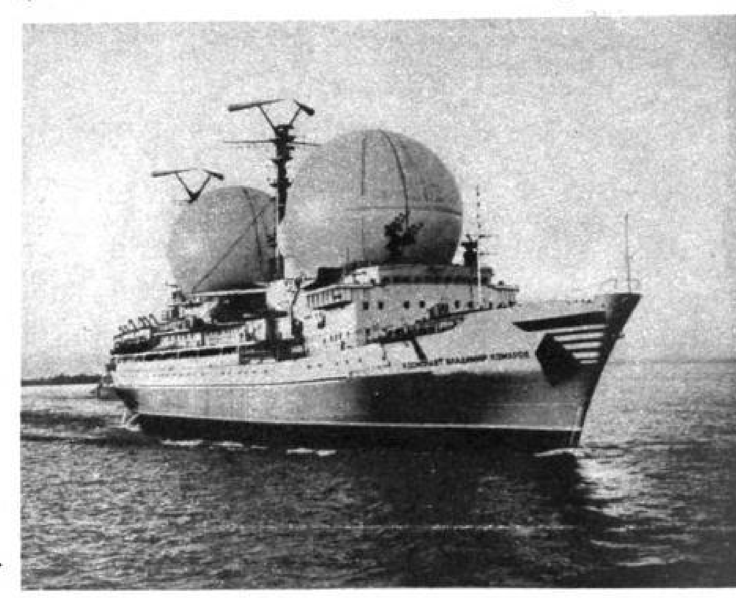
Поезда — причалы расставаний.
Поезда — пристаница разлук.
Миллионы долгих расстояний.
Миллионы одиноких рук.
Ветры оголтелые несутся.
Властвует над миром листопад,
Люди, повстречавшись, расстаются —
Счастье не бывает без преград.
Падают на смолкнувшие плечи
Первые рассветные слова,
И несостоявшиеся встречи
Будут окончаньем торжества.

●

В. ОДИНЦОВ

«КОМЕТА»

Постою у тихого причала,
Полюбуюсь, Дон, красой твоей.
Вижу: без конца и без начала
Бег спокойных волн среди степей.
Вижу я: от ветра и от света
Ты глаза прищурил, человек...
По волнам бегущая «Комета»
Устремилась в двадцать первый век.

7 МАЯ — ДЕНЬ РАДИО

Исполняется 75 лет со дня выдающегося изобретения А. С. Попова.

ГАЗЕТА БЕЗ РАССТОЯНИЙ

В. ЛЕБЕДЕВ,
заместитель министра связи СССР

Карманный транзистор и космический ретранслятор, телевизионный экран и стремительная четкость Останкинской телебашни. Они так привычны, что кажется, всегда так было. А всей истории радио лишь 75 лет. Началась она совсем недавно: 7 мая 1895 года. Россия докладом А. С. Попова возвестила всему миру: сделано открытие, которому предстоит совершить подлинный переворот во многих областях науки и техники. Впрочем, тогда значение работы Попова было понятно далеко не всем. Даже такой ученый, как Генрих Герц, на вопрос о том, могут ли электромагнитные волны использоваться для практических целей, ответил категорическим отрицанием.

Но уже зимой 1895—96 годов Попов создает лабораторную линию телеграфной связи без проводов. По ней многократно проводится передача и прием сигналов. Через несколько месяцев великий русский изобретатель демонстрирует членам физико-химического общества радиолинию большей протяженности — 250 метров. А вскоре была готова и первая в мире линия радиосвязи между Коткой и островом Гогланд. Это с ее помощью снимали севший на мель у острова Гогланд броненосец. Одной из первых радиодепеш, ушедших в эфир, было распоряжение команде «Ермака» выйти на поиски финских рыбаков, унесенных в открытое море на оторвавшейся льдине.

Широкое применение радио получило в советское время. В. И. Ленин высказал смелую, неожиданную даже для специалистов мысль о возможности превратить радио в средство повседневной информации, просвещения и воспитания миллионов трудящихся, в газету без бумаги и без расстояний. Покрыть страну сетью радиотелефонных аппаратов — значит получить в свои руки могучий, неоценимый рычаг громадного культурного, политического значения.

В. И. Ленин проявлял большую заботу о развитии радиотехники, о строительстве в нашей стране радиостанций.

В годы Великой Отечественной войны советские радисты стали солдатами. 82 военных радиста были удостоены звания Героя Советского Союза. Среди них — один из участников форсирования Днепра И. Колодий. Лодка, на которой он переправлялся, была разбита снарядом, сам радист получил несколько ранений. Но он добрался до западного берега реки и, установив связь со своей батареей, корректировал огонь ее орудий. Иван Колодий несколько раз терял сознание, но, как только приходил в себя, его рация тоже оживала...

Трудно назвать другое научное открытие, которое бы так широко распространилось по земному шару. Радиоэлектроника открыла новую эпоху в науке и технике, заняла одно из ведущих мест в техническом прогрессе. Советские люди гордятся тем, что наша страна является родиной радио. Сегодня радио шагнуло во все области жизни. С 1922 года, когда была создана первая советская радиовещательная станция, благодаря заботам Коммунистической партии и Советского правительства развитие радио в нашей стране шло колоссальными темпами.

Несколько лет назад был осуществлен запуск первого спутника связи «Молния-1». Затем разработана специальная станция, получившая название «Орбита». Она предназначена для приема программ Центрального телевидения, ретранслируемых спутником связи «Молния-1». Имеется 30 таких станций. С их помощью около 20 миллионов жителей нашей страны могут регулярно смотреть передачи Центрального телевидения. «Орбита» — первая в мире сеть спутниковой связи.

В недалеком будущем предполагается осуществлять телевизионное вещание со спутника непосредственно на приемные антенны и телевизоры.

По радио поддерживается связь со многими странами.

К концу нынешнего года более 200 наших городов будут иметь ультракоротковолновые передатчики, обеспечивающие высокую чистоту передач. Две новинки радиовещания — три программы по проводам и стереофония. Во втором случае передача звука идет по 2—3 каналам, создавая ему объемность и особую выразительность. Многопрограммное проводное вещание могут принимать уже 7,4 миллиона радиоточек, а всего в стране работает 43 миллиона радиотрансляционных точек, 50 миллионов радиоприемников, 32 миллиона телевизоров. Все более широкое распространение находит цветное телевидение. В нынешнем году жители еще 10 городов получат возможность смотреть его передачи.

...А началось все это 75 лет назад с простенького приборчика — радиоприемника А. С. Попова.

На снимке: научно-исследовательское судно «Космонавт Владимир Комаров», имеющее современные системы радиосвязи.

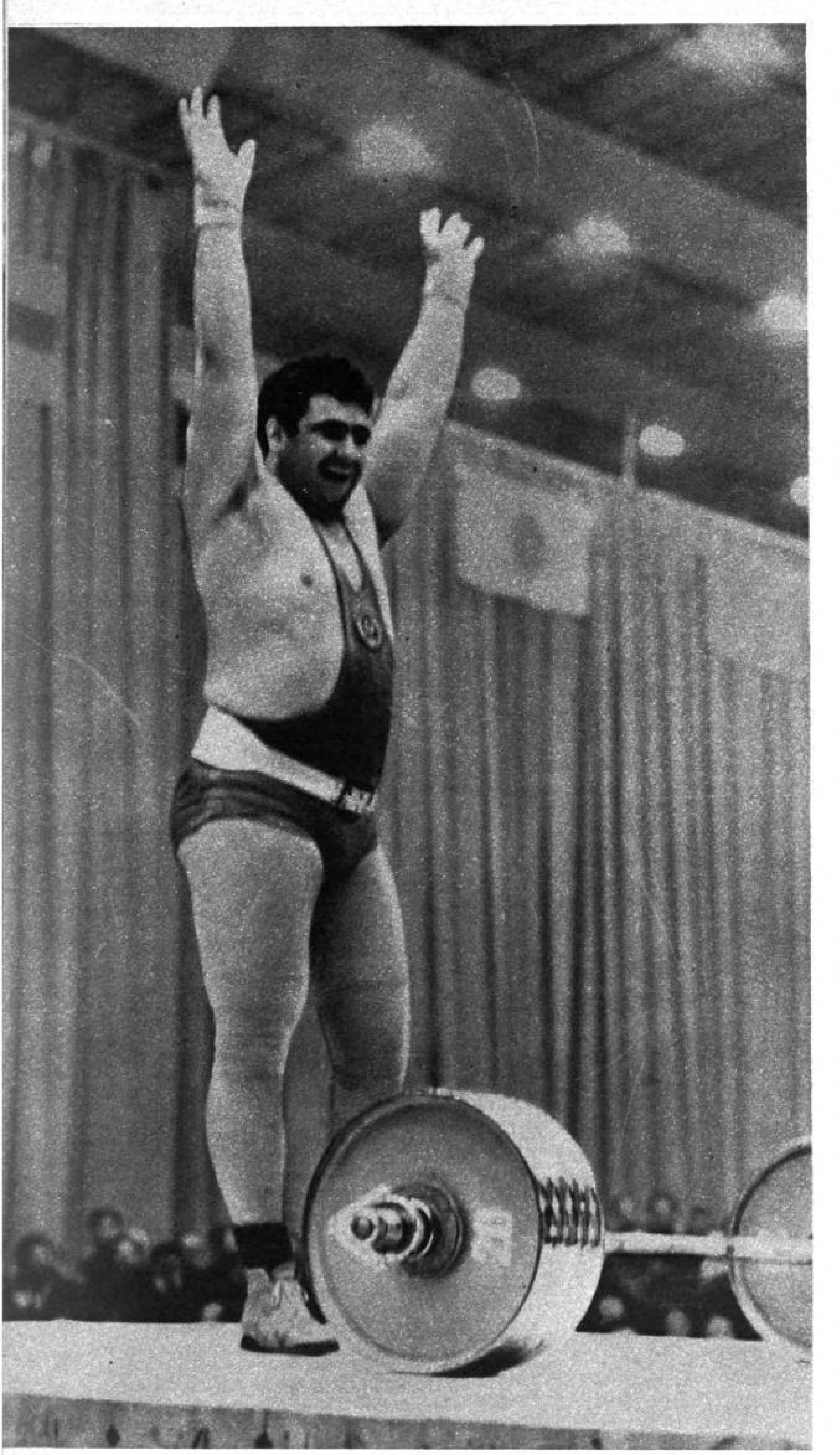

Есть шестьсот!..

Фото В. Кутырева.

Помост был рядом, за тяжелым темным занавесом, на ярко освещенной сцене. До него было шагов тридцать — не более, но Алексеев, будто перед дальней дорогой, присел на низкую скамейку, на которой ему несколько минут назад разминали натруженную поясницу, и, склонив курчавую черноволосую голову, задумался. А там, за занавесом, тысячеголосо гудели трибуны. Только что диктор объявил, что для первого подхода в толчке Василий Алексеев попросил установить 217,5 килограмма.

Наконец его вызвали. Он выпрямился и, разведя в стороны ручищи, повернувшись к тренеру, сказал: «Пора, Васильевич! Протри-ка мне плечи, лопатки — крылья протри!»

Чужин проворно, но не суетясь, прошелся мохнатым полотенцем по торсу атлета, и они, рассекая плотную толпу, вышли к арене.

— Помни! У тебя лишь три минуты,— сказал тренер и, сжавшись в комок, замер у лестницы.

Шесть шатких ступеней вели атлета к помосту, на котором, вдавившись в дощатый настил, покоилась штанга, которую еще никто в мире не мог поднять с первой попытки. Медленно, словно нехотя, Алексеев взошел по скрипучим ступеням и, остановившись у квадратного ящика, как ковшом, зачерпнул пригоршню магнезии и посыпал ею ключицы, шею, грудь. Посыпал и растер грубой, жесткой ладонью.

Вчера он, Василий Алексеев, улыбаясь, слушал, как один корреспондент спрашивал другого, приехал ли в Минск тот силач, который собирается поднять 600 килограммов, и состоится ли этот рекорд. Василий подошел к знакомому журналисту и попросил: «Успокойте их. Скажите: Алексеев здесь, и рекорд будет»,— а сам подумал: «Только вот спина может подвести».

Он чувствовал себя неважно. Ему бы эти международные соревнования в январе, когда в Великих Луках он буквально играл рекордными весами: в один вечер побил достижения американцев Джозефа Дьюба и Роберта Беднарского, а также лишил Жаботинского абсолютного рекорда в троеборье. Тогда Алексеев поднял 595 килограммов. Да, тут было о чем подумать всем, кто любил штангу. Всего пять килограммов теперь отделяли никому не известного тяжеловеса от фантастического результата — 600 килограммов. Сколько лет самые сильные штангисты мира мечтали о том, чтобы выйти на подступы к шестисоткилограммовой сумме. И вот нашелся смельчак! И смельчак тот не Жаботинский, и не Батищев, и не американец Дьюб — сильнейшие тяжеловесы мира, а штангист из города Шахты Алексеев, о котором знают пока немногие.

Чего только не писали о нем в те дни! Из него сразу сделали великого штангиста и феноменального силача. А он вовсе не считал себя таковым, но на вопросы, скоро ли он поднимет в сумме трех движений 600 килограммов, отвечал спокойно, даже буднично, что попытается это сделать в Минске в борьбе за приз Дружбы.

Алексеев не знал тогда, что тяжелый грипп надолго уложит его в постель и ему придется второпях приводить себя в порядок... И вот кульминация. Он стоит в трех шагах от штанги и ждет тишины. Его голова чуть запрокинута, карие глаза закрыты, лишь губы, запекшиеся от волнения, что-то шепчут беззвучно...

Никто не знает, что он шел к этой штанге почти десять лет... Он родился на рязанской земле, в деревне Покрово-Шишкино, в самый, можно сказать, трудный год — 1942-й. Его отца звали Иван, так же как и деда и прадеда...

Ему было одиннадцать лет, он учился в четвертом классе, когда семья переселилась в поселок Рочегда, Архангельской области. И штангой Васи Алексеева стали бревна, которые он ворочал вместе с отцом в дни зимних и летних каникул, работая на лесобирже Конецгорского леспромхоза. Учебу заканчивал в вечерней школе рабочей молодежи: днем вместе со старшим братом Александром штабелевал лес на берегу Северной Двины. Ну, а настоящую штангу Василий увидел всего десять лет назад, когда стал студентом Архангельского лесотехнического института.

Был он крепким, рослым парнем, здорово играл в волейбол, но преподаватель физического воспитания Семен Степанович Милейко, влюбленный в тяжелую атлетику, сказал ему: «Волейбол — это игра. Играй себе на здоровье. Но, если хочешь стать спортсменом, займись железом». И вот после трех месяцев занятий молодой полутяжеловес набрал в троеборье приличную сумму — 315 килограммов. Так бы и шагать семимильно и дальше, но Василий обзавелся семьей, сначала на свет появился Сережа, потом — Дима, пришлось перевестись на заочное отделение, поступить на работу начальником смены на Котласском целлюлозно-бумажном комбинате. Но штангист все равно жил в Алексееве. Его тянуло в тренировочный зал, и в начале 1966 года на него обратил внимание старший тренер «Труда» Александр Васильевич Чужин.

— Хорошо! Только почему руки не выпрямляешь? — спросил Чужин.

Дмитрий ИВАНОВ,
заслуженный мастер спорта

БОГАТ

— У нас в Коржме потолок слишком низкий,— сказал Алексеев.

Чужин и уговорил Алексеева перебраться с семьей в город Шахты. Там Василий стал учиться в горном институте и пошел в гору как штангист. Луганский чемпионат страны 1968 года вывел Алексеева на третье место. Но этого ему было уже мало. «Хочу быть первым»,— сделал он надпись на фотографии, которую подарил своему тренеру.

Александр Васильевич Чужин расхваливал ученика на все лады, говорил, что это и есть тот самый парень, который первым в мире поднимет шестьсот килограммов, но над ним лишь посмеивались. Ведь в то время Алексеев не шел ни в какое сравнение с Жаботинским, который находился в расцвете сил. Василий был легче чемпиона на 50 килограммов, и поднимал Жаботинский на 50 килограммов больше. И вот в Великих Луках подняты 595 килограммов, а теперь в Минске атлет стоял рядом со своей мечтой.

Он шел к этой мечте, взвешивая здраво каждое свое движение. В жиме были использованы всего лишь два подхода из трех. Василий ушел на отдых с мировым рекордом — 213 килограммов, и его нисколько не смутило, что следом за ним на сцене появился его главный соперник — Станислав Батищев и выжал 214 килограммов.

Потом Алексеев готовился к рывку и, взметнув вверх 150 килограммов, пожаловался тренеру:

— Апатия, Васильич...

— Не апатия — апатит,— скаламбурил тренер, и атлет улыбнулся: ответ был в его вкусе. Рядом сидел, уронив рано полысевшую голову, добродушный библиотекарь из Брюсселя, второй призер мексиканской Олимпиады Серж Рединг. Он только что, как говорят штангисты, «забаранил» — не получился у него рывок, и теперь бельгиец стал зрителем. Ну что же, бывает! Казалось, что до беды зарубежного атлета Алексееву? Но он подходит к Редингу и советует ему попробовать рекорд в толчке. И только успокоив товарища, сам начинает подготовку ко второй попытке в рывке.

Александр Васильевич Чужин советовал ученику поднять со второй попытки 165 килограммов, но Алексеев возразил: «Да нет, лучше сразу сто семьдесят. Надо брать быка...» И он взял быка, выхватил одним махом 170-килограммовую штангу, да с таким запасом сил, что казалось, не устоять рекорду Жаботинского. К всеобщему удивлению, Алексеев отказался от третьей попытки, и никто не знал, что Чужин требовал от атлета продолжения борьбы, настаивал, чтобы тот шел на 172,5 килограмма. Но Алексеев спокойно возразил: «Зачем они мне? Не будем, Васильевич, мельчить. Придет время, и 180 будут наши...»

Так берег Алексеев силы для толчка, для этих 217,5 килограмма, которые теперь лежали перед ним на помосте. Ведь все так просто. Надо сложить 212,5 килограмма, показанные в жиме (полкило, превысившие заказанный Алексеевым вес в троеборье, не учитываются), 170, взятые в рывке, и эти 217,5, еще не взятые,— и вот они, желанные 600! Так зачем же суетиться?

— Толкай, Вася! — с мольбой прошептал тренер, видя, как неумолимо секундная стрелка бежит по кругу к роковой отметке. До трех минут, данных на подготовку, оставалось десять, восемь... пять секунд. И, наконец, будто очнувшись, Алексеев склонился над штангой, сдавил ее гриф и с последней секундой медленно оторвал громаду металла от помоста...

Он выпрямлялся во весь свой рост, и тянул штангу выше и выше. И вдруг на какой-то миг тяжесть стала невесомой: это сработали могучие мышцы спины — штанга послушно легла на необъятную грудь атлета. Что было потом? Никто из тех, кто был в зале, и глазом не успел моргнуть, как Алексеев поднялся из подседа и мощным толчком послал снаряд вверх на прямые руки... Есть 217,5!..

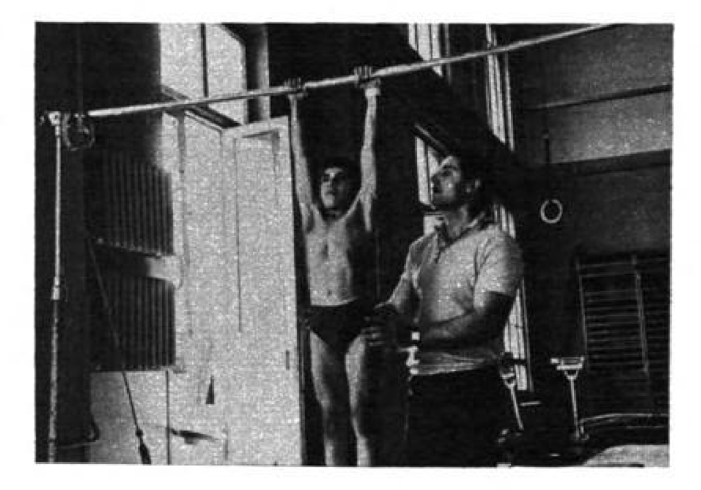
И вот штанга снова на помосте у ног штангиста, будто все еще впереди, и человек стоит перед ней так же неподвижно. Но вот он ликующе вздымает вверх руки, и тысячи людей вскакивают, поздравляя друг друга, тянутся к атлету, которому на их глазах вот так просто удалось осуществить мечту самых сильных людей мира — покорить 600 килограммов. И вот наш первый олимпийский чемпион, Рафаэл Чимишкян, первым нарушает невидимый барьер, все еще отделяющий Алексеева от зала, и взлетает на сцену, чтобы обнять победителя. И вот уже Алексеев окружен восторженной толпой.

— Братцы, не наседайте! — умолял Алексеев.— Подождите немного! — Но разве этими робкими словами успокоишь болельщиков?..

Поздно вечером, как было условлено, я зашел к Алексееву и его супруге Олимпиаде Ивановне. Совсем буднично, как будто ничего не произошло, Василий отвечал на вопросы корреспондента западногерманского телевидения. Корреспондент хотел знать, скоро ли появятся еще атлеты, способные поднимать такой огромный вес.

— А что тут особенного? — пожал плечами Алексеев.— Уверен, скоро шестьсот килограммов будут поднимать многие.

ЫРЬ

ЧЕМПИОНЫ НЕ УХОДЯТ

Занятия начались с зарядки. Потом преподаватели развели ребят по снарядам. Альберт Азарян переходил от группы к группе, объяснял, показывал элементы комбинаций. Возле Самвела он задержался подольше. Поднял его на перекладину, попросил выполнить «солнце». Два оборота мальчик сделал в хорошем ритме, а третий не смог.

— Устал?

— Да нет, просто...

— А ты не стесняйся признаться. Конечно, устал,— настаивал Азарян.— Гимнасту сила нужна. У твоего дедушки есть сад?

— Есть маленький.

— Ты ему помогаешь?

— Бывает.

— Почаще помогай. Потрудиться на воздухе — полезнейшее дело. И дедушке хорошо.

— Им обязательно надо внушить мысль, что все дается только трудом, великим трудом,— говорил мне позже Альберт Азарян.— Только тот, кто побеждает лень, становится большим мастером. Не знаю только, как лучше это объяснить малышам.

Вот чем обеспокоен сегодня двукратный чемпион мира и Олимпийских игр, «король колец», блистательный спортсмен: мальчики и девочки из школы юных гимнастов стали для него главным делом и смыслом его жизни.

Он сам провел трудное детство в кузнице, раздувал горн, учился ковать металл. Старый кузнец любил Альберта за доброту, старательность, за то, что мальчишка, оставшись без отца, стал опорой семьи. А потом родным человеком Альберту Азаряну стал Семен Абрамович Карагезян — его первый тренер, научивший молодого гимнаста месяцами шлифовать на снарядах комбинации, исполнять боковые «кресты» на кольцах, которые в то время не делал даже Грант Шагинян.

Потом были победы в Мельбурне, Риме, в десятках других городов, выступления в 38 странах, сотни побед.

...Прощальный вечер устроили в зале общества «Ашха Танк». Из Москвы прилетели Валентин Муратов и вся сборная команда гимнастов «Спартака». Сказано было много чудесных слов, шутили, сыпали тостами. Семен Абрамович притянул Альберта за локоть. «Чего как в воду опущенный? Не поминки. Знаю, тяжело. Мне тоже. Сколько хороших парней, сильных мастеров прошло через мои руки?! Но Азарян-то у меня один! — и вдруг зашептал: — Завтра же иди во Дворец пионеров. Школа гимнастов там, знаешь. Детишки, малышня. Они же молиться на тебя будут. Только полюби птенцов. Не прикипишь к ним сердцем — бросай. Но ты полюбишь их, ты добрый человек. Я в гороно обо всем договорился. Иди...»

Пять лет уже руководит Азарян школой юных гимнастов. Те малыши подросли, окрепли. Самвел Григорян стал мастером спорта, абсолютным чемпионом среди юношей профсоюзных обществ страны. Гагик Галстян занял в этих соревнованиях второе место, он кандидат в мастера спорта. Отличные успехи у Аннеты Акопян, Люды Дерзаевой, Лейлы Сулеймановой. На смену им пришли новые. Сейчас рядом с Ереванским Дворцом пионеров строится из розового туфа новое здание школы Альберта Азаряна. Там будет два больших зала, кабинеты, раздевалки, отличные душевые.

Признаюсь, когда я услышал о школе Альберта, подумал, что выдающийся спортсмен больше занят подготовкой «звезд», новых Азарянов. Но это было заблуждением. На прощание он сказал мне:

— Конечно, меня радует, что в школе растут хорошие мастера. Может быть, их еще увидят на больших помостах, но главная моя радость в том, что ребятишки крепнут, что мы помогаем родителям и врачам растить здоровых и сильных людей...

О. ПОПОВ

Фото автора.

Галина СМЕТАНИНА

ЧТО РОЖДАЕТ ПЕСНЮ...

К вечеру улицы Шушенского пустеют. Сияние новых нарядных светильников выхватывает из тьмы цепочки улиц. Мягко золотятся электрическим светом окошки дедовских изб, а чуть в стороне выделяются большими освещенными окнами жилые корпуса нового микрорайона. В центре, на площади Ленина, яркие огни брызжут из каждого окна огромного Дворца культуры. Тут возникает ощущение, что ты не в тихом поселке, а в городе. Оно усиливается, когда видишь, как к Дворцу культуры все тянутся и тянутся люди.

Во Дворце уютно, тепло; в фойе развешаны рисунки ребят из шушенской художественной школы — работы графические и живопись: виды Шушенского и окрестностей, строительство Мемориальной зоны, дома, которые доживают последние дни, и их хозяева, шушенцы, переселяющиеся в новые квартиры.

В одной из комнат репетирует народный хор — разучивает новую песню о Шушенском. Тут же с гармонью автор — Серафим Прокопьевич Щукин, преподаватель Шушенского музыкального училища и руководитель ансамбля русской песни и танца. Он — режиссер и актер, аккомпаниатор и вообще человек общительного нрава, весельчак по натуре — на занятиях строг и требователен, поэтому не раз пение прерывается и песня начинается заново.

Среди запевал узнаю Любу Пеганову, девушку, которую видела на строительстве Мемориальной зоны; там она бригадир девичьей бригады, приехала, кстати, на стройку из Волгограда.

Здесь же и Любина подружка — Валя Толстоконева и еще две девочки из комнаты, где они живут вместе... Девушки работают в одной бригаде и очень дружны, хотя познакомились только год назад, приехав на стройку по комсомольским путевкам. Срок путевки скоро кончается. А как же хор?! Они так привыкли к нему, что впору не уезжать.

Хор исполняет русские народные песни и песни советских композиторов, но больше всего песен здешних, шушенских, на музыку Щукина — раздольных, задумчивых, широких, как Енисей.

Наверное, сама природа шушенская, грандиозная стройка, которая развернулась в этом бывшем захолустье, придают такое настроение песням. Окрестности вокруг Шушенского до того хороши, что, приехав сюда в первый раз, думаешь: как это жил раньше на свете, не видев своими глазами такой красоты! Недаром участники шушенской самодеятельности любят ездить со своими концертами и в ближайшие деревни и в соседние районы — в Хакасию и в Красноярск...

Каждую субботу шушенцы обязательно отправляются **на гастроли**. Не правда ли, громко звучит?! Решили и мы поехать с ними в Усть-Абакан...

Собираться начали засветло — дорога не близкая, почти полтораста километров. К тому же еще стояли холода; на дорогах — гололед, мало ли что может в пути приключиться. А на месте надо разгрузить декорации, установить их, загримироваться... Уже наготове стоят два грузовика с декорациями и четыре автобуса для артистов. Пока что артисты охапками носят отутюженные сарафаны и русские рубашки для хора и танцоров, зипуны и андирядки — это старинная сибирская крестьянская одежда. Парни укладывают все, что понадобится для оркестров, а их в Шушенском три: духовой, эстрадный и народных инструментов...

— Поторапливайтесь, поторапливайтесь, времени в обрез! — напоминает Щукин.

Наконец уселись. Кокошники девчата надели на себя, чтобы не помять в дороге; сарафаны, как в костюмерной, рядами висят на поручнях и смешно раскачиваются в такт движению.

— Никого не забыли? Все пришли? — волнуются руководители.

— Федяихи нет! — раздается чей-то возглас.

— Как это нет?! Что же будем делать?! — Щукин даже привскакивает с места.

— У нее сегодня вечернее дежурство,— объясняет кто-то.

Речь идет о медсестре Вере, исполняющей роль старой крестьянки Федяихи в спектакле, поставленном шушенцами по пьесе Бориса Терещенко «Енисеева судьба». Музыку к песни к спектаклю написал все тот же Серафим Щукин.

— Без Федяихи нельзя ехать,— все действие на ней держится! — раздаются в автобусе взволнованные голоса.— Не могла, что ли, поменяться с кем-нибудь дежурством?! Знала же!

— Кто дублирует Федяиху?

— Галя Чаюкова.

— А где она?!

— Спит Галя. Сказали ей, что не понадобится,— вступается за подругу Оля Решетняк. Ей и приходится бежать за Галей в общежитие.

Через несколько минут Галя—Федяиха появляется, разрумяненная после сна: на ходу повязывает платок, на ходу застегивает пальто...

— Ой, да ведь я же еще плохо роль знаю!.. Вдруг да провалюсь? Все спектакли Вера играла,— причитает Галя.

На нее цыкают. Притихнув, она всю дорогу бормочет про себя, повторяет роль... Галя тоже работает на Мемориальной зоне в той же бригаде, что и Оля Решетняк. Она член комитета комсомола и возглавляет сектор культмассовой работы.

— Ну, наконец,— облегченно вздыхает Щукин.— Все в сборе!.. Отправляемся!..

Путь далекий. Вместе с нами в Усть-Абакан едет Борис Терещенко, врач Шушенской больницы. Для Шушенского его открыл все тот же неугомонный Щукин.

Вот так же однажды ехали шушенцы в Читинскую область с концертом. Услышали там, как Терещенко читал свои стихи. После концерта Щукин написал песню на стихи Терещенко. Потом еще одну и еще одну... А спустя некоторое время молодой врач совсем перебрался из-под Читы в Шушенское да и «прижился» здесь. Работает в районной больнице, пишет стихи, организовал любительскую киностудию... Песни на его стихи поют в селе: о нынешней шушенской жизни, о Енисее, о любви... Само Шушенское, меняющееся на глазах, без конца подсказывает сюжеты. И многое здесь может глубоко взволновать: необычные характеры, удивительные судьбы... В Шушенском все пронизано памятью о Владимире Ильиче. И старожилы и молодежь знают всех политических ссыльных друзей Надежды Константиновны и Владимира Ильича; зовут по имени-отчеству. Знают, в какие избы они заходили, с кем говорили, с кем виделись. Знают, кто за что был сослан. Знают, кто как относился к беднякам... А уж то, что связано с именем Ленина, помнят все!

До сих пор с восторгом рассказывают об исходе судебного процесса, который затеял было сутяга-лавочник Зацепин против бедняка Проникова... Процесс этот — слыханное ли дело в те-то времена! — выиграл бедняк! Выиграл благодаря юридическим советам Владимира Ильича. Это был немудреный житейский случай: скот Ермолаева, крепкого мужика, торговца пушниной, богача, потравил посевы лавочника Зацепина, а пронырливый и хитрый Зацепин, чтобы не тягаться с Ермолаевым, решил свалить вину за потраву на бедняка Проникова, через поскотину которого прорвалось ермолаевское стадо... Сначала волостной суд ни за что ни про что присудил Проникову отдать Ермолаеву восемь пудов хлеба! Полуграмотный сельский писарь под диктовку В. И. Ленина написал кассацию, и Минусинский суд отменил решение волостного суда. Весть об этом очень укрепила в ту пору авторитет Владимира Ильича!..

Но это только один случай. В семейных преданиях шушенцев подобных историй множество. И Борис Терещенко заинтересовался этими историями, побеседовал со многими жителями поселка, использовал архивный материал... А потом написал пьесу о Енисеевой судьбе — о преображенной земле шушенской.

Документальный, исторически верный спектакль получился интересным, живым. Местные жители в персонажах пьесы узнавали своих односельчан — родителей и дедов, а молодежи эта пьеса помогла узнать давнюю историю Шушенского. И вот везут шушенцы свою премьеру к устьабаканцам.

Наконец приехали. В местном Доме культуры хоть и натоплено, но не больно-то тепло. Зато на сцене — летний день в Шушенском: зной, марево. И правда, начинает казаться, что жарко! Впечатление это создают отличные декорации шушенского художника Луканина. Одетые в летние косоворотки крестьяне не спеша говорят о своих заботах. Разгорается давний спор между Ермолаевым и Прониковым...

Проникова играет работник автобазы Миша Трофименко. Тут же охотник-хакас, которого, по рассказам, учил Владимир Ильич грамоте. Роль охотника играет молоденький скуластый плотник из Шушенского. А из зала смотрят на него усть-абаканские школьники и студенты, учителя — русские и хакасы... Когда-то среди них не было ни одного грамотного человека...

В пьесе изображены две шушенские старухи: Варламовна — это в избе ее сына жил Ленин — и Федяиха... Эти роли играют Ольга Решетняк и Галя Чаюкова... Старательно наводят они морщины на свои свежие, румяные лица, надевают бесчисленные, длинные, до полу, юбки, ситцевые кофты в мелкий цветочек. Варламовна у Ольги Решетняк — дородная и статная, степенная, движется неспешно, говорит с прибаутками... Дивишься: когда успела эта девочка так хорошо почувствовать сильный, самобытный характер сибирячки...

Хорошо сыграла свою роль и Галя Чаюкова,— старая, согнувшаяся Федяиха... Потом выскочила Галя со сцены за кулисы, вся в пятнах:

— Ну как? Ничего не заметили?!!

— Все удачно,— хвалят друзья Галю.

— Да что вы! Я ведь чуть не сбилась!..

А спектакль идет своим чередом. И хотя у артистов по нескольку ролей, хотя им надо перегримировываться, переодеваться, они не теряют темпа спектакля, принятого зрителями, можно сказать, с овацией...

Во втором отделении — концерт. И тоже почти каждый номер шушенцы повторяют на бис. Особенно долго не отпускает публика Л. Дербенцову и В. Малышеву, станцевавших «Калинку».

Самый же большой успех выпал на долю духового оркестра. Дирижировал Вагиз Садыков — невысокий, худощавый молодой человек с огромной шапкой вьющихся густых волос. До концерта он все как-то тушевался и казался незаметным. А как начал дирижировать, словно вырос... К своей профессии Вагиз Садыков шел не самым легким путем, жил без родителей, воспитывался в детском доме; днем работал, а по вечерам учился музыке. Успешно закончил консерваторию... Еще одна судьба...

...Концерт закончился поздно. Но опять пришлось поторапливать артистов, возбужденных успехом. В автобусах сначала продолжали жить волнениями спектакля, потом стали петь, а потом уж и задремали...

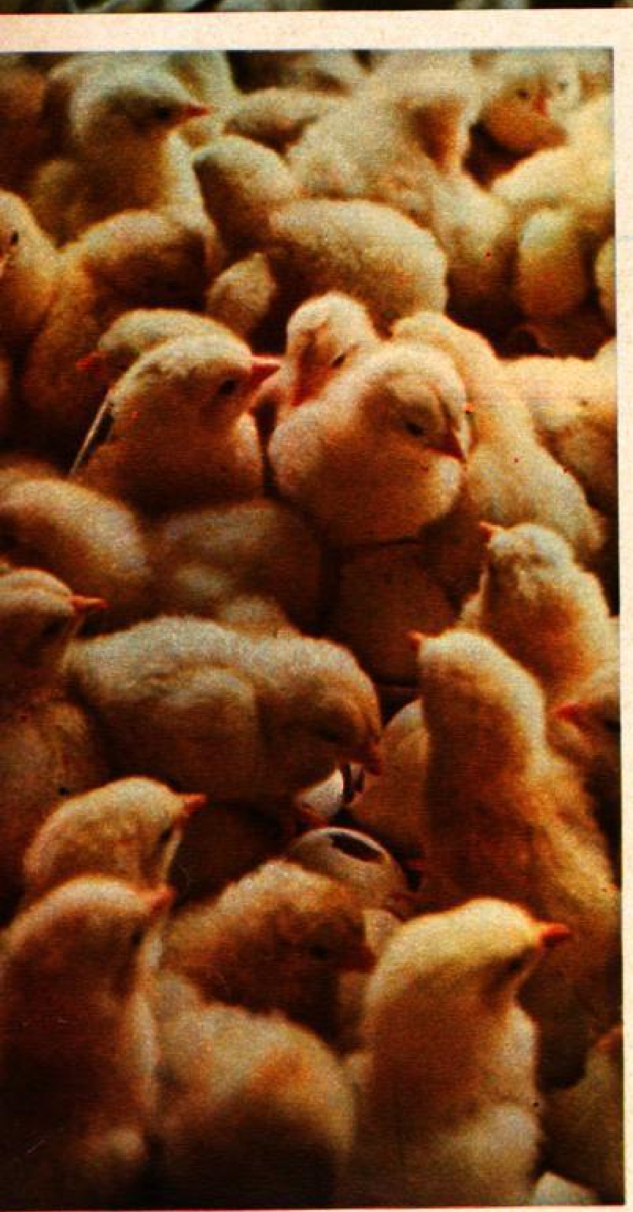
В три часа ночи сонные автобусы подкатили к Шушенскому, где все давно спали... Горели только фонари на улицах, да светилась яркая неоновая надпись на Дворце культуры...

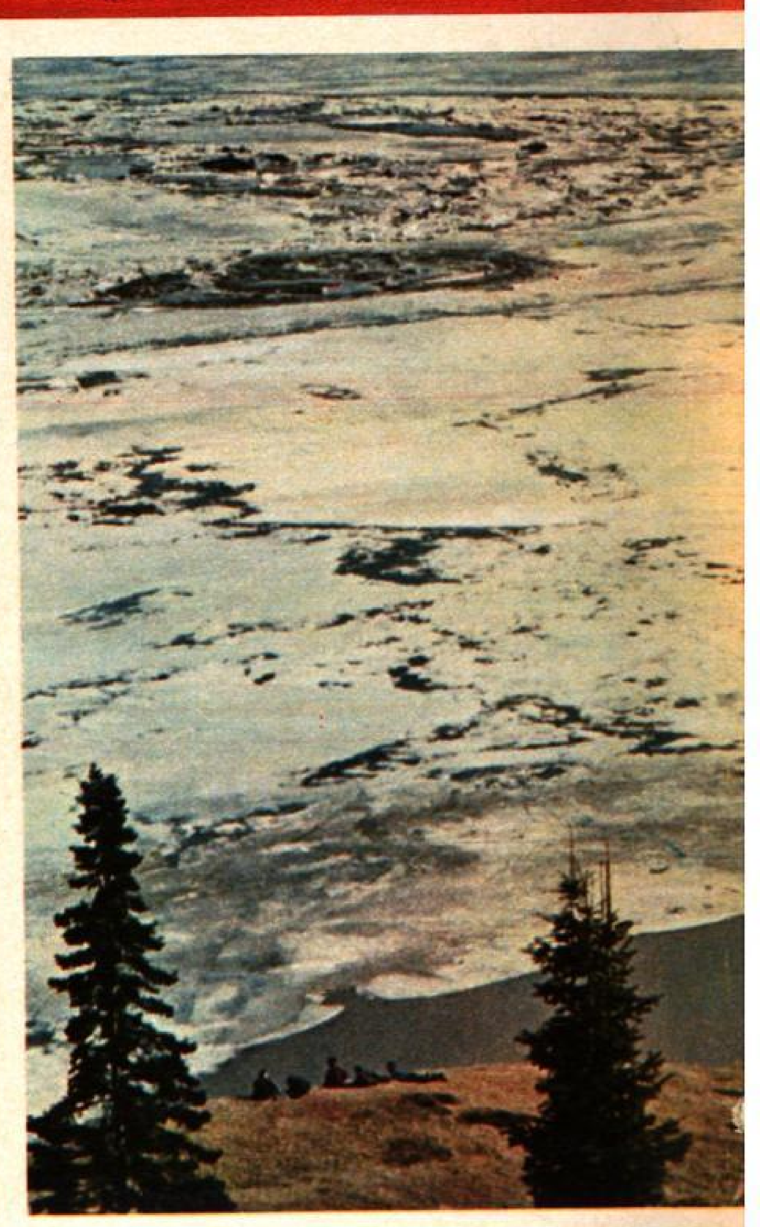
Люба Дербенцова и Валя Малышева из Шушенского танцуют «Калинку».

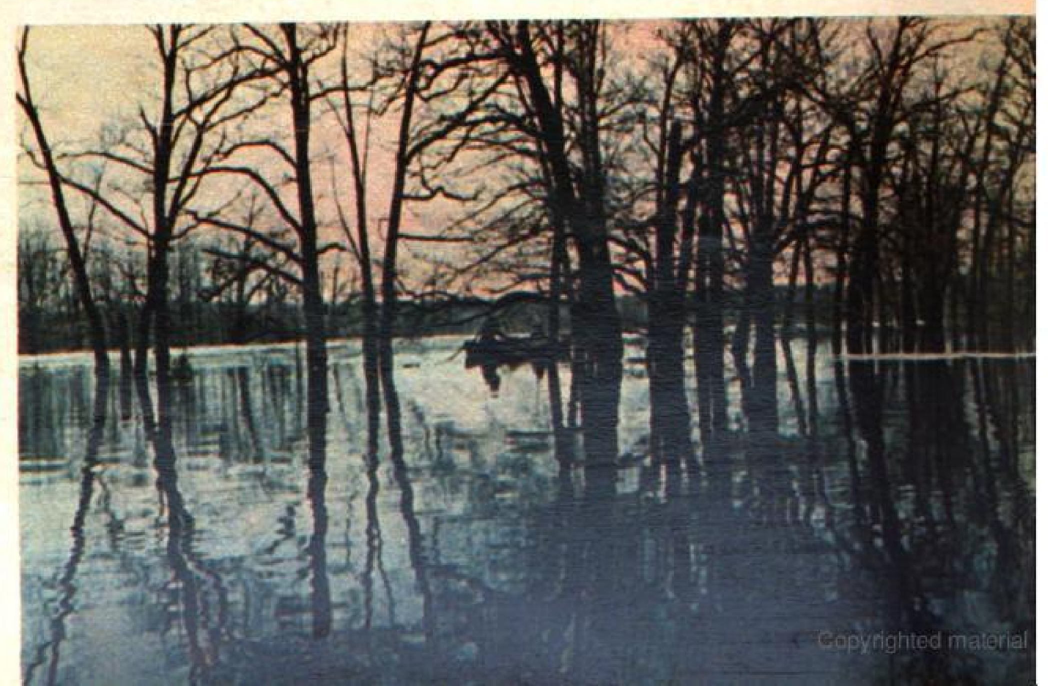
Фото Г. КОПОСОВА.

Юлиан СЕМЕНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. ГЛАЗУНОВА.

„ОН УБИЛ МЕНЯ ПОД ЛУАНГ-ПРАБАНГОМ"

22.30

Эд спросил Билла, когда они вышли из штурманской прокуренной комнаты:

— Ты куда? К туземной женщине?

— Не знаю, командир,— ответил Билл, смутившись,— сначала я хочу посмотреть на белых женщин.

— Где ты их тут увидишь?

— Сегодня должны прилететь какие-то благотворительные журналистки из дома. Они путешествуют по Азии и должны завернуть сюда из Бангкока.

— Все наши журналистки забыли, когда у них кончилась зрелость...

— Что? — переспросил радист.— Что они забыли?

Эд снова засмеялся и сказал:

— Иди к черту, старик, ты невозможен.

— А куда вы?

— Я спать. Через пять часов мы с тобой выедем, так что не увлекайся бабушками.

— А я могу не спать двое суток.

— Да?

— Я так думаю.

— Ясно, мыслитель. Ну, пока.

Эд бросил свой джип где-то под деревом, в спешке, и сейчас, чертыхаясь, хлопал себя по карманам: фонарик, конечно, он оставил в кабине.

«Глупость какая,— думал он,— зачем мне в кабине фонарик? Если угрохают, фонарик уже не потребуется. А сесть на вынужденную в скалах немыслимо. Сказано, чтоб держать в кабине,— и держу. Болван. Мы все любим жить по предписанию: удел мышей — жить по предписанию. Никакой ответственности — за тебя все расписано».

Ночь была безлунной, темной. Эд наткнулся на камень, выругался, заскакал на одной ноге. Он вспомнил, как над ним пошутили ребята в школе. Он очень любил представлять себя знаменитым футболистом. Он выучился ловко бить носком камушки и жестяные банки из-под пива. Однажды ребята завернули в белую бумагу тяжелый камень и положили его на дороге. Эд, конечно, ударил по этой бумажке носком и упал, потеряв сознание от боли.

«Интересно, как фамилия того, кто это придумал? — подумал Эд.— Ему бы надо взять фамилию Гитлер».

Кто-то метрах в десяти от него включил фонарь. Острый луч света ослепил Стюарта.

— Эй,— сказал он,— осторожней! Посвети пониже — где-то здесь моя машина... И не свети в глаза — я так слепну.

Ему никто не ответил, но рука, державшая фонарик, послушно опустилась вниз, и Эду показалось, что человеку было тяжело опускать руку: так упруг и весом был луч света. Листва в этом мертвом белом свете была черной, неживой, похожей на чугунную. Днем она была нежно-зеленой, хрупкой.

Эд увидел свой джип и сказал:

— Погоди выключать. Я сяду за руль, и тогда выключишь.

Фонарик послушно освещал его машину. Эд вспрыгнул на сиденье. Прыгающий луч света приближался к нему.

— Кто ты? — спросил Эд.— Освети себя.

Яркое пятно света все приближалось.

— Эй! — сказал Эд.— Покажи себя, парень!

Ему вдруг стало холодно, и тело покрылось пóтом. «Чарли! — мелькнуло в мозгу.— От аэродрома сто метров, рядом — джунгли, и никого нет!» Он ударил себя по левой ляжке — кобура с пистолетом осталась в самолете. И тогда он пронзительно закричал — визгливым, срывающимся голосом. Свет исчез. На том месте, где он только что был, зияла черно-зеленая пустота, расходившаяся постепенными радужными кругами.

— Не кричи,— сказал знакомый голос,— не кричи так страшно, дурачок.

Сердце его колотилось где-то в горле, руки мелко тряслись: так с ним было первый раз, когда он проходил сквозь заградительный огонь зениток возле Самнеа.

Кто-то опустился рядом с ним на сиденье, и тогда в близкой темноте он увидел лицо жены.

— Зачем ты приехала, Сара? — спросил он хрипло.

23.20

— Ну-ка, вруби фары,— сказал Ситонг,— что-то на дороге чернеет.

Когда шофер включил свет — через секунду, не больше,— прогрохотала автоматная очередь, и машина сразу осела на правое колесо. Ситонг кошкой выскочил из кабины и, бросившись к тому черному, что перекрывало дорогу, на ходу дал ответную очередь, прижав автомат к животу. Степанов, падая на теплую каменистую землю, ясно представил себе, как Ситонг стреляет: когда они попадали в перестрелки, Ситонг бил из автомата, завалив его влево — от живота; бил снайперски, не целясь.

Прогрохотала ответная очередь. Другая. Третья.

«А из разных бьют,— подумал Степанов,— плохо дело-то. Их, значит, там не меньше трех».

К Степанову подполз Ситонг и молча протянул пистолет. Степанов отрицательно покачал головой.

— Почему? — спросил Ситонг одними губами, но он лежал совсем рядом, и Степанов понял его вопрос.

— Если возьмут, сразу поднимут визг: «Вооруженный русский!»,— ответил он, подумав при этом: «И дома потом, если выменяют, отчитывайся...»

Ситонг положил рядом со Степановым свой длинный нож и отполз к шоферу. Они пошептались о чем-то, и Ситонг исчез. Шофер подождал несколько минут, а потом дал из своего трофейного американского автомата очередь по тому темному, что было впереди, на дороге. Ему ответили сразу из трех автоматов.

«Значит, их не больше,—подумал Степанов.— Выкрутимся».

— Сколько прошло времени? — шепнул шофер.

— Не знаю.

— Посмотрите на часы.

— У меня стрелки не светятся.

— Покажите мне.

Степанов вытянул руку с часами. Шофер приник лицом к часам, а потом шепнул:

— Без пяти шесть.

— Не может быть,— ответил Степанов.— Ты спутал. Наверное, половина двенадцатого.

Шофер хихикнул в темноте.

— Я всегда путаю стрелки,— сказал он,— особенно в темноте. Конечно, сейчас половина двенадцатого. В шесть часов начинают светлеть облака на востоке.

Степанов с трудом понимал парня: тот говорил очень цветистым языком. «Наверное, из Саваннакета,— подумал Степанов,— там особенно красочный язык».

Снова прогрохотала очередь. Шофер не отвечал. Он потянул к себе руку Степанова и снова приник к часам.

— Пора,— шепнул он.— Если они побегут на вас, хватайте за ноги и бейте ножом.

— А ты?

— Я буду рядом, просто я говорю на всякий случай. Разите коварного врага ножом в горло,— закончил он саваннакетской цветистостью.

И шофер отполз в сторону. Именно оттуда через минуту-две он дал несколько очередей, а потом закричал что-то пронзительное — Степанов так и не разобрал что. С дороги ответили очередями — Степанов видел красно-белые точки, разрывавшие черное полотно ночи, а потом выстрелы загрохотали в другом направлении, красно-белых разрывчиков уже не было, а после он услыхал голос Ситонга впереди на дороге и почувствовал, как кто-то невидимый бежал прямо на него по теплой каменистой дороге.

«Ну вот. Сейчас,— сказал он себе.— Вот он рядом».

Но он не успел броситься на бегущего: чья-то стремительная тень метнулась от скалы. Степанов слышал, как человек тяжело упал. Потом он слышал тяжелые удары, и сопение, и стон, а после Ситонг закричал:

— Включайте фары!

Степанов поднялся, подошел к «газику» и включил свет. В белом луче он увидел шофера, который сидел верхом на человеке в серой куртке и бил его сцепленными руками по голове. Кровь на лице человека была черной.

— Эй,— негромко сказал Ситонг,— хватит. Он же не двигается.

...Двух диверсантов он уложил наповал, а третий, который ринулся вперед от неожиданно прогрохотавших сзади выстрелов, теперь лежал без сознания на дороге, и шофер по-прежнему яростно колотил его: звук был такой, будто мокрое белье били о камни.

Ситонг раскидывал завал, который диверсанты сделали на дороге, шофер менял простреленное колесо, а Степанов сидел возле пленника и смотрел, как тот медленно приходит в себя. Подошел Ситонг, тронул человека ногой и сказал:

— Не наш. Это вьетнамец. Они сюда забрасывают диверсантов из Сайгона.

— Как ты определил?

— По лицу. Разве он похож на нас?

Степанов взглянул на пленника: тот был похож на Ситонга как две капли воды. Хотя, вспомнил он, в Токио ему сказали, что все европейцы кажутся в Азии похожими друг на друга. «У нас лица разные, а вы все одинаковые, как братья». Степанов тогда удивился: «Но ведь у нас есть блондины, рыжие, брюнеты». Ему ответили: «А мы не смотрим на волосы. Мы смотрим только на форму глаз и на цвет кожи».

— Вставай,— сказал Ситонг пленному и тронул его носком своих драных кедов.— Ну!

Пленник лежал, не двигаясь, но глаза открыл.

— Что ты с ним говоришь? — удивился шофер.— Пусти ему пулю в лоб.

— Вставай,— повторил Ситонг.

Человек по-прежнему не двигался.

— Не понимает по-нашему,— сказал Ситонг.— Попробуй с ним по-американски.

— Нечего с ним по-американски,— снова повторил шофер из темноты,— ему надо пустить пулю в лоб.

— Он пленный,— сказал Ситонг.

— Он диверсант и стрелял нам в спину.

— Он стрелял нам в грудь.

— Какая разница?

— Разницы никакой,— согласился Ситонг,— только он пленный.

— Вы говорите по-английски? — спросил Степанов.

Пленный сразу поднялся, и лицо его дрогнуло и стало растерянным.

— Кто вы? — спросил он.

— Патет Лао,— ответил Степанов.— А вы?

Продолжение. См. «Огонек» № 17.

◀ Весенние мотивы.

Фото М. САВИНА.

— Пусть говорит правду,— сказал Ситонг.— Скажи ему, что у нас мало времени и трудно с местом в машине. Переводи, переводи! Переводи,— повторил он.— Они бомбят наши госпитали и убивают детей. Они заставляют нас так говорить.

— Откуда вы? — спросил Степанов.— Ваше имя?

— Я из Гуэ. Меня зовут Ван Хьют. Меня забросили американцы.

Степанов перевел.

— Спроси его: будет он говорить все моему командиру?

— Да,— ответил пленный.— Конечно.

— Спроси его, зачем он прилетел к нам?

Пленный долго молчал. Это был немолодой уже человек, очень худой, слишком для вьетнамца высокий. Хотя, может быть, он показался таким Степанову из-за худобы.

— У меня же семья,— очень тихо ответил человек, и губы его затряслись.

23.45

— Я не хочу в бар,— сказал Эд.— Я никуда не хочу, Сара.

— А я очень хочу,— сказала она и прижалась лицом к его плечу, и стало ему от ее прикосновения пусто и горько.

— Не надо,— попросил он.

— Нет, надо.

— Зачем ты прилетела сюда?

Сара отодвинулась, поправила прическу и ответила:

— У тебя есть сын, Эд. У тебя есть семья.

— Я предал самого себя из-за семьи, из-за сына, из-за тебя,— ответил он.— Ты получаешь деньги, Уолту пока еще не бьют морду из-за того, что его папа бомбит Азию,— чего тебе еще надо? Из-за вас я потерял самого себя — чего вам всем от меня надо?

— Теряют, когда есть что терять.

— Ну вот, видишь... О чем же нам говорить? О чем, Сара?

— Ты ведь сам хочешь, чтобы все наладилось.

— Ненавижу, когда за меня говорят. Если бы я хотел, чтобы наладилось, я бы сказал тебе об этом. Кто из нас двоих лучше знает меня: я или ты?

— Я.

— В каждом человеке живет много людей. Ты знаешь меня одного, мой радист — другого, мальчик — третьего, лаосцы — четвертого, а я знаю себя пятого. И все мы разные. Ты всегда хотела, чтоб я был одним. Тебе надо было выйти замуж за клерка из рекламного бюро: они отличаются спокойной одинаковостью, а человек, который пишет или снимает, обязательно должен быть психом. Ты этого никогда не могла принять, я шокировал тебя тем, что я был таким, каким был, а не был таким, как все.

— Ты изменял мне, Эд. Ты предавал меня с потаскухами, а я всегда была тебе верна.

— Сосуществование — это отнюдь не любовь, Сара, но любовь — это обязательно сосуществование! Любовь предполагает уважение к индивидуальности. Иначе получается ярмо собственности. Ты считала меня своей собственностью, а человек принадлежит только самому себе.

— Я всегда была верна тебе, Эд. И меня никогда не тяготила эта верность.

— Что ты кичишься этим?! Что верность?! Медаль за храбрость? Счет в Лозанне?! Когда верность делается тиранией, так лучше пусть будет взаимоуважительная неверность.

— Тебе всегда хотелось, чтобы я изменила тебе, я знаю. Ты всегда по ночам расспрашивал меня: «Как тебе было бы с другим? Представь, что я другой...»

Стюарту вдруг стало мучительно гнусно: так ему было однажды, когда он пошел в клинику — смотреть аборт. Он писал повесть, и ему надо было описать аборт. Он после этого уехал на два месяца во Флориду и пил, не просыхая, чтобы забыться.

— Ты все помнишь, Сара,— сказал он,— у тебя прекрасная память. А я, когда спрашивал тебя о чем-то ночью, ничего не помнил днем...

— Не ври себе, Эд.

И он понял, что она сейчас сказала правду, и это родило в нем злость.

— Скотина! — сказал он, сморщившись.

— Это ты скотина,— тихо ответила Сара,— это ты подлая скотина, а не я.

— Так зачем ты приехала сюда?!

— Потому что я тебя люблю...

23.47

Ситонг укрыл трупы двух диверсантов брезентом, связал руки пленному и сказал шоферу:

— Едем.

Шофер сказал:

— Все-таки лучше б его тут пристрелить. Вдруг впереди еще одна группа? Что тогда нам с ним делать?

Ситонг попросил Степанова:

— Переведи-ка: их выбросили одних или были еще группы?

— Было еще четыре группы,— ответил пленный.— По три человека в каждой.

— Их бросили вместе?

— Вас бросили вместе? — перевел Степанов.

— Нет. Нас бросили последними.

— А те группы тоже должны делать засады на дорогах?

— Да.

— Где?

— Я не знаю.

— Ладно,— сказал Ситонг,— поехали. Мы успеем от него избавиться, если те нападут.

— Враги коварны, ночь темна, и нету серебристой луны.— Как всегда, цветисто сказал шофер, включая мотор.

Они проехали километров пять, и Ситонг попросил:

— Останови машину. Я весь измазался кровью.

Шофер остановил машину. Ситонг включил фонарик: весь брезент был черным от крови.

— Как будто оленя везем, а не диверсантов,— усмехнулся он.

Степанов вспомнил тайгу. Он бродил там с якутом охотником Максимом: они промышляли белку. В тот год было хорошее белковье — в тайгу ушли целые деревни, а в домах остались только глубокие старики и школьники. Малышей родители тоже забрали в тайгу, и поэтому поселки были тихие-тихие.

Они с Максимом вышли однажды к избушке старика, который раньше был шаманом. После к нему перестали ходить люди, потому что приехала девушка-врач. И старик, чтобы не голодать, начал охотиться за волками. Он брал на фактории стрихнин и выслеживал волков — они задирали очень много оленей. Он на это жил: за каждого волка ему давали пятьдесят рублей и двух оленей. Он даже по этому поводу выступил во время предвыборной кампании: рассказал жителям, как он плохо жил раньше и как хорошо ему жить теперь, когда он не эксплуатирует суеверия, а зарабатывает себе пропитание собственным трудом.

Когда Максим и Степанов пришли к нему домой, старик был болен. Он сидел на крыльце и грелся под последним осенним солнцем. Оно уже было нетеплым, но все равно старик считал его целебным, потому что раньше он поклонялся солнцу и думал, что оно только и может вылечить болезнь, либо навлечь ее.

Рядом с крыльцом стоял старый олень, такой же старый, как и бывший шаман. Зубы у него были желтые, стертые.

— Лечиться буду,— сказал старик.

— А чего тебе лечиться? — спросил Максим.— Ты нас переживешь.

Старик, довольный, засмеялся, обнажив коричневые зубы.

Он долго грелся на солнце, а потом пошел в дом — за топором. Топор был старый, плохо точенный, но тяжелый. Старик обвязал ноги оленю, которого ему привели утром за убитого волка, и присел на крыльцо — отдышаться. Потом он взял топор и, долго прицеливаясь, ударил оленя обухом по голове. Олень дрогнул, но не упал, и только в его старых, замшелых, серых глазах высверкнуло черно-красное. Старик ударил его еще и еще раз, и олень упал. Старик вытер с лица пот, ушел в дом и принес большой таз. Он приподнял голову оленя и подсунул под его шею таз. Олень плакал. Старик взрезал ему шею, и дымная кровь полилась в таз, и он пил ее из таза, пачкая лицо. Он долго пил дымную кровь оленя — это самое ценное лекарство здесь от всех болезней и от старости тоже. А потом, шатаясь, как пьяный, ушел в дом, повалился на лавку и уснул.

Вечером Степанов, спавший с Максимом на печке, увидел, как старик, совсем уж и не сгорбленный, легко ходил по комнате, мурлыкая что-то под нос, укладывая рюкзак: видно, он собрался в тайгу.

— Кровь все лечит,— сказал он, увидев, что Степанов не спит,— наша доктор меня за это не ругает. «Молодец, старый,— говорит,— до ста,— говорит,— доживешь». А мне уже сто три,— засмеялся он.

— Здесь сверни,— сказал Ситонг, вглядываясь в темноту,— здесь по ручью, в скалах наши пещеры.

— А может, рванем напрямик? — спросил Степанов.

— Надо сдать пленного. Не повезу же я его во Вьетнам и обратно. И взять запасное колесо. И шоферу хоть часок поспать: дальше самая опасная дорога через равнину...

23.57

Молоденькая девушка, видимо, таиландка, делала стриптиз на маленькой, ярко высвеченной сцене.

«Сейчас она улыбнется,— подумал Эд,— она всегда улыбается в этом месте».

— Когда она начнет стягивать рубашечку, посмотри, как она будет улыбаться,— сказал он Саре.

— Ты уже изучил этот номер?

— А сейчас, когда опустится на пол, она начнет кусать губы и закрывать глаза от страсти.

— Бедная девочка! Вы ее тут, наверное, уже все изучили?

— Она единственная девственница в этом городишке.

— Это ты выяснил точно?

— Это я выяснил точно.

Ему очень хотелось, чтобы девушка хоть на минутку забылась, но она была хорошо вышколена антрепренером, месье Жюльеном, и поэтому она начала закатывать глаза, кусать губы и стонать.

— Что ты будешь пить?

— Виски пополам со льдом.

— А потом устроишь мне истерику, если девочка после номера подойдет к столику? Она часто подходит ко мне и садится рядом, мы беседуем с ней о литературе — как это ни смешно...

— Я забыла, как ревнуют, Эд.

— Ты это быстро вспомнишь.

— Я ревновала тебя, только когда мы были вместе.

Он смотрел на Сару. Она не видела, как он на нее смотрит, потому что разглядывала зал.

«Как же она красива,— думал Эд,— и как я любил ее... С чего же начался крах?»

Вернувшись из Хельсинки, Праги и Берлина, он написал для газеты, которая субсидировала его поездку, цикл очерков.

Он писал, в частности, что юность мира хочет жить в мире, но им этого не дает делать ненависть и подозрительность, оставшиеся в наследство от уходящего поколения. «Господин президент,— писал он,— живет мнением советников, выстроивших курс и ставших после рабами этого курса. Стране угрожает бюрократическая олигархия. Если не разрушить замкнутый круг правительственных бюрократов, связанных с интересами монополий, и не соединить президента и конгресс напрямую с народом, то наша великая демократия может вскорости вылиться в диктатуру плутократии. Политику следует строить, базируясь на Институте Гэллапа, который держит руку на пульсе общественного мнения. Болтать о демократии еще не значит быть демократом. Наша страна имеет все шансы вскорости сделаться жупелом ужаса. Нами будут пугать детей, господин президент. Ревизия нашей политики необходима. Назад, к Рузвельту, означает вперед, к истинной демократии. Твердость курса хороша только в том случае, если наша программа лучше всех остальных в мире. В противном случае «твердость курса» может означать только одно: трусливое своеволие бездарных плутократов!»

Редактор газеты, для которой он ездил на фестиваль молодежи, встретил его, мило похохатывая. Он то и дело гладил свой живот нежным движением руки слева-направо. Ему объяснили врачи, что это прекрасный способ помогать пищеварительному процессу, не истощая себя диетой.

— Мальчик мой,— сказал он, предложив Эду сесть рядом,— я прочитал ваши опусы. Но это написано для «Дейли уоркер». Это не для нас, ведь мы серьезное издание.

Эд пожал плечами, улыбнулся.

— Липпман пишет похлестче.

— Станьте Липпманом. Человек, критикующий наши основы с позиций Липпмана,— это одно, а вы — совсем другое.

— Какое «другое»?

— Малыш,— сказал редактор, прекратив поглаживания своего громадного живота,— не сердитесь на меня, но я скажу вам правду. Вы *ничто*. Пока *ничто*. Каждый человек может написать пару книжек про то, как он ложился в постель со своей первой женщиной. Это даже могу написать я. Когда нашего президента и наш курс бранит Липпман, он выдвигает альтернативу, призванную укрепить *наши* позиции. Наши, малыш, наши! А не *их*! Состоявшийся человек — будь он писателем, бизнесменом или врачом — всегда будет отстаивать *наши* позиции. Бунтарство — удел параноиков, экспансивных бездарей или умных авантюристов, которые поняли, что *нашими* благами они смогут воспользоваться, лишь сбросив нас, а отнюдь не уповая на свои деловые либо интеллектуальные способности. Если бы вы были лауреатом премии Пулитцера или еще лучше лауреатом Нобелевской премии, я бы с радостью напечатал вашу вещь, не тронув ни строчки. Это будет хорошая сенсация: один из *наших* восстал против *нас*. Значит, действительно кое-что следует переосмыслить. А сейчас некое *ничто*, научившись слагать литеры в слова, а слова в фразы, выступает против *нас*. А это уже пахнет жаждой крови тех, кто смог добиться чего-то в *нашей* жизни — своим трудом, ранами, горем.

— Вы что, не хотите меня напечатать?

— Почему? Я же сказал: если вы получите какую-нибудь премию, я напечатаю вас, не тронув ни строчки.

— При чем тут премия? — пожал плечами Эд.

— При том, что политика — это всегда союз нескольких сил, целенаправленных против иного союза сил. Союз предполагает равенство значимости. Я — это я. Я могу постоять за себя. А вы? Чем вы постоите за себя? Чем вы поддержите меня, если мы начнем драку? Мы с вами — против президента и тех сил, которые стоят за него? Зачем мне идти на заведомый проигрыш? Удар обрушится не на вас, написавшего,— мы живем, слава богу, в демократической стране, а на меня, опубликовавшего это.— Редактор ткнул пальцем в листки голубоватой бумаги, лежавшие на его округлых коленях.— Я это все говорю оттого, что добро к вам отношусь и не хочу вашего духовного краха. Политика — это игра равных, в противном случае это уже не политика — это бунт.

За поездку в Европу Эд был должен редакции полторы тысячи долларов. Он вернулся домой злым и растерянным. Сара сидела в ванной комнате возле большого зеркала и причесывалась. Он поцеловал ее в затылок и посмотрел в зеркало. Сара сказала:

— Знаешь, Уолт сегодня сам ходил, без помочей.

Эд посмотрел в приотворенную дверь: малыш спал в кровати, раскрывшись. Его рыжие кудряшки прилипли к вискам: лето было очень знойным.

— Эд,— сказала Сара, кончив причесываться,— надо нам уехать в пригород, здесь жить невозможно: я очень боюсь за мальчика, такая жара... И тебе там будет спокойнее работать. Сейчас можно купить недорогой дом — возле океана. Мари говорила мне, что там продается дом.

Он рассказал ей о том, как с ним говорил редактор.

— Не обращай внимания,— сказала Сара,— пиши то, что тебе хочется писать.

— То, что мне хотелось написать, я написал, но это не печатают.

— Сядь за повесть.

— Я могу сесть за повесть, если я знаю, какой она будет. Я сейчас не могу сесть за по-

весть, потому что ее нет у меня в голове. Я сейчас хочу опубликовать то, что я написал, это мой долг.

— Ну, так опубликуй.

— Не публикуют,— усмехнулся он.

— Ну и не надо,— сказала Сара, обняв его.— Ну и пусть не печатают.

— А что мы будем есть? И как быть с недорогим коттеджем в пригороде?

— Ну, придумай что-нибудь...

— Что я могу придумать? Я ничего не могу придумать.

Он пошел к себе в кабинет, снял пиджак, бросил его на спинку кресла, развязал галстук. Рубашка прилипла к спине. «Надо надевать майку,— подумал он,— а то кажется, будто оплевали все лопатки». На столе, аккуратно скрепленные зажимом, лежали счета: за кухню и от портного. Эд почесал затылок, бухнулся на тахту и стащил с себя мокрую рубашку. Вошла Сара. Она присела рядом с ним. На ней была коротенькая серая туника.

«Завтра поеду к Тому Маффи,— думал Эд,— он любит резкий и категоричный стиль. Его газета это может взять. Тогда я хотя бы расплачусь с долгом, тогда еще можно будет выкрутиться...»

Сара прилегла рядом с ним и стала целовать его плечи и грудь. Глаза ее были полузакрыты, а красивые пальцы сжимали шею Эда.

— Подожди, Сара,— сказал он, отодвигаясь.— Откуда там счет на девяносто долларов?

Она открыла глаза и сразу же отодвинулась от него. А потом резко поднялась и, выходя из кабинета, сказала:

— Там же написано, милый. Прочти внимательно.

— Сара! — позвал он ее.— Сара!

Она не ответила. Он вздохнул и пошел в спальню. Она сидела возле спящего Уолта, накинув на себя длинный халат.

— Что ты? — спросил он.

— Ничего,— ответила она,— говори, пожалуйста, тише, мальчик еще должен спать полтора часа...

23.59

Машина теперь спускалась вниз по узкому ущелью. Ветви огромных деревьев срослись над дорогой, и поэтому казалось, что путь шел через тоннель.

— Можешь включить фары,— сказал Ситонг,— все равно сверху не увидят.

Шофер врубил фары. Свет метался по громадным стволам диковинных деревьев. Несколько раз Степанов замечал вырезанные на коре большие сердца, пронзенные стрелами. Когда фары осветили еще одно сердце, Степанов попросил шофера остановиться. Он вылез из машины и подошел к дереву. Под сердцем были написаны инициалы и вырезана дата: «17 августа 1969 года».

— Ситонг! — крикнул Степанов.— А что тут пониже написано?

— Там написано: «Понг и Кемпет — любовь»,— ответил он, не вылезая из машины.

«В августе здесь особенно сильно бомбили,— вспомнил Степанов,— каждый день по нескольку раз. «Понг и Кемпет — любовь». «Маша и Коля — любовь». Только у нас пишут не «и», а «+». «Маша + Коля = любовь». И вся разница».

Дальше они ехали быстрее, потому что дорога была не очень изрыта воронками. Впереди замаячили странные фигуры в белых одеждах. Когда машина подъехала ближе, Степанов увидел, что все люди смеются, пританцовывая, что-то поют. Люди смеялись странным, заданным смехом, то и дело утирая со своих впалых щек слезы.

— Что это? — спросил Степанов.

— Похороны,— ответил Ситонг.— Наверное, хоронят бонзу. По обычаю, во время буддистских похорон надо смеяться и радоваться, чтобы не тревожить дух умершего. Он должен уходить на небо, провожаемый весельем, а не слезами.

Ситонг открыл дверцу и, попросив шофера притормозить, спросил:

— Кто умер?

Старик в белом халате ответил:

— Мост через ручей восстановили...

— Я спрашиваю: кого хоронят? — повторил Ситонг.

— А? — прокричал старик.— Воронки? Какие воронки?

— Хоронят его внука! — ответил юноша, шедший рядом, тоже в белом халате.— Его вчера убили при бомбежке. Старик оглох, не сердитесь на него...— И он пошел дальше, шмыгая носом, но сохраняя на лице гримасу смеха.

Ситонг захлопнул дверцу и сказал шоферу:

— Нажми, а?.. Можешь как следует поднажать?

Ситонг достал сигарету, разломил ее пополам и протянул половинку пленному. Он очень резко повернулся, протягивая эту половину сигареты, и пленный испуганно шарахнулся: он решил, что Ситонг хочет его ударить.

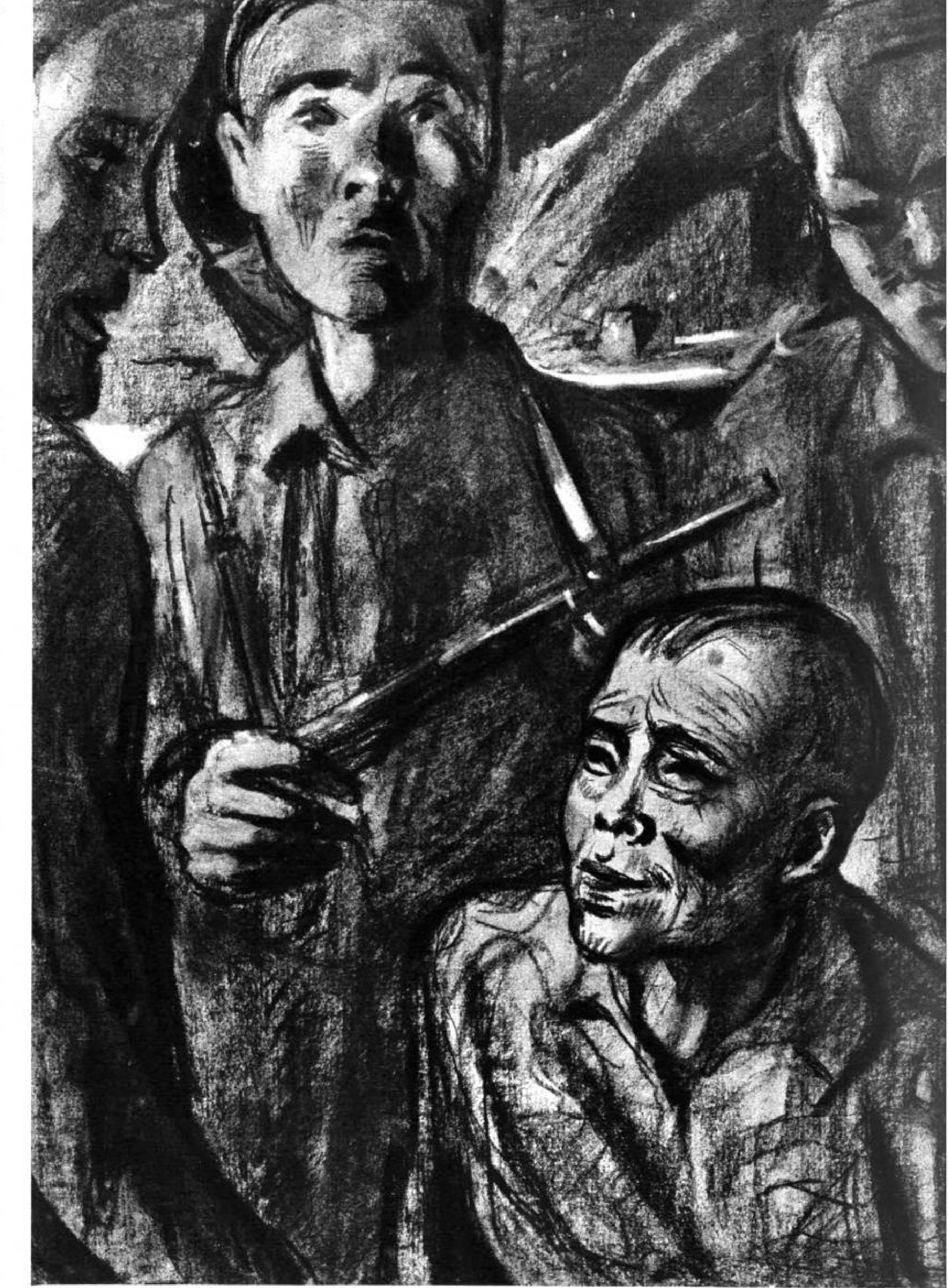
— По себе мерит,— сказал Ситонг и попросил Степанова: — Переведи ему на американский, что мы не бьем пленных.

— Я его бил,— сказал шофер,— зачем говорить неправду?

— Ты бил не пленного. Ты бил его, когда он был вооружен автоматом и ножом. Ну-ка, притормози.

Впереди по дороге медленно шел старый монах в широкой желтой юбке.

— По-моему, это его святейшество Ка Кху,— сказал Ситонг,— тот такой же сутулый. Останови, подвезем, он, верно, с похорон.

Только когда машина остановилась возле него, Ка Кху обернулся. Он узнал Ситонга и ответил на его приветствие тихим, ласковым голосом. Степанов подвинулся, и монах сел рядом.

— Здесь совсем недалеко,— сказал он,— я бы мог дойти.

У входа в пещеру их встретил служка Ка Кху — высокий, бритоголовый парень. Он обжаривал на костре оленью ногу. Сало, стекая, капало в костер, и от этого огонь ярко вспыхивал, становясь сине-желтым.

— Я скоро вернусь,— сказал Ситонг,— сдам пленного и скоро вернусь.

— А мы пока попьем чай,— сказал Ка Кху.— Хотя пить чай — это привычка, а моя религия считает привычку самым главным злом в мире, тем не менее выпить крепкого зеленого чая очень приятно...

— Правильно ли считать привычку главным злом? — спросил Степанов, глядя вслед уезжавшему «газику».— На земле есть кое-что похуже.

— Земля населена людьми,— мягко улыбаясь, ответил Ка Кху,— а люди сотканы из привычек. Привычки — это жалкий слепок сути. Люди стремятся не к счастью, но к привычному понятию счастья. Привычная жажда привычных благ рождает в мире суету, а Будда считает суету злом. Будда — над привычками, и поэтому он счастлив, ибо свободен. Люди закабаляют себя, принимая от уходящих поколений привычки.

— В таком случае они закабаляют себя и, принимая от уходящих привычку верить...

— Верить во что? Вы имеете в виду веру в Будду?

— Не только в Будду... В Иегову, Христа, Мохаммеда...

— Христос — это иное. Христиане ставят человека под власть бога, они отделяют человека от бога. А Будда никогда не настаивал на незыблемости своих догм. Принцип Будды: отрицание отрицания. Только мы отрицаем устаревшую догму не с привычной кровожадностью к чужой ошибке, но с уважением к отринутому, ибо оно натолкнуло нас на истину. На ту истину, которая тоже рано или поздно будет отринута потомками. Рождение нового и смерть старого — это звенья одного процесса развития.

— Как бы это получше объяснить людям? — улыбнулся Степанов.

— Людям мешает привычная система мышления.

— Может ли человек избавиться от привычки?

— Будда смог. А каждый человек может стать Буддой, если он сможет победить в себе зло.

— Как это сделать?

— Смирить привычную гордыню. Человек должен исповедовать систему вакуума.

— Как это? — не понял Степанов.

Монах поднял с пола пачку сигарет, оглядел ее со всех сторон и спросил:

— Что это?

— Сигареты,— ответил Степанов.

— Почему? А может быть, это ящерица? Или кабан? Почему это сигареты? Только потому, что я имею глаза — раз, в пещере есть свет — два, пачка сама по себе имеет форму и цвет — три, мои пальцы ощущают форму — четыре, и, наконец, все эти объективные компоненты складываются в понятие, которое отныне будет заложено в меня — в мой вакуум. Как только человек перестает быть вакуумом, способным воспринимать новое, он делается рабом привычных понятий, он перестает явления пропускать через себя, он духовно погибает. А что логичнее воспринять вакууму: добро или зло? Конечно же, добро.

— Добро не пачка сигарет,— ответил Степанов.— Это не объемное понятие, но термин, который каждый человек понимает по-разному; все зависит от того, в каких условиях...— Степанов улыбнулся,—...в каких привычных условиях жил человек, кто его воспитывал и наставлял... Американцы, которые бомбят ваши пагоды и школы, считают, что они сражаются со злом во имя добра.

Ка Кху тоже улыбнулся и очень мягко ответил:

— Быстрота и категоричность мышления — тоже привычка. Вы торопитесь в вашем мышлении. Наши враги привычно считают, что они выполняют свой долг перед их родиной. Я слежу за радиопередачами из Америки; назовите мне хотя бы одного нашего врага, приехавшего на эту войну добровольно. Непривычно для людей только одно — смерть. А тысячи смертей их солдат заставляют Америку искать зло в происходящем. Поиск зла — это всегда путь к добру. Их солдатами движет не порыв, но привычка выполнять приказ.

— Сдаюсь, ваше святейшество,— сказал Степанов, поднимая руки: он боялся обидеть этого сутулого старика с большими, скорбными глазами.

— «Сдаюсь» — это термин войны, а религия Будды — это учение мира и любви.

— А как быть с любовью? — не удержался Степанов.— Любовь — это тоже привычка?

— Да.

— Значит, любовь порочна?

— Суетна,— улыбнулся Ка Кху.— Что такое любовь? Минутное наслаждение, а после усталость и пустота...

— Любовь не приносит усталости. Любовь дает силу.

— Вы не правы. Любовь не может быть равноправной, это всегда борьба. А разве неравноправие может дать силы? Впрочем, Будда не запрещает любить. Будда вообще ничего не запрещает. Будда лишь советует...

К монаху подошел бритоголовый служка и сказал:

— Святой отец, через десять минут у вас проповедь...

— Здесь есть монастырь? — спросил Степанов.

— Нет. Я буду выступать с проповедью по радио. Здесь в пещерах радиостанция.

— О чем будет проповедь?

— Об основной догме нашей веры: взаимоотношение силы и гуманизма.

Степанов закурил и сказал:

— Насколько я знаю, ваша главная догма — гуманизм и сила. Или от перемены мест сумма не меняется?

Ка Кху отхлебнул остывшего чая, нахмурился и ответил совсем тихо:

— Вы правы. Классический буддизм древности ставил на первое место гуманизм, а уже после силу, которая необходима каждому, чтобы стать гуманным. Не наша вина, что нам приходится звать народ поначалу к силе, а не к гуманизму. Мы должны быть сильными, чтобы победить, а уж после наступит эра гуманизма — так учим мы сейчас. Бомбежки заставляют нас учить азиатов догме силы. Америка забыла, что нас половина мира. Это очень страшно, когда половина мира начинает исповедовать догму силы, отводя на второй план догму гуманизма. Но как же быть иначе,— спросил он скорбно,— когда убивают детей и разрушают больницы?

Продолжение следует.

Маленькая поэма

Мара ГРИЕЗАНЕ

* * *

В реальном и сказочном детстве,
у теплого серого моря,
где рыжие дюжие сосны
гудят над рыбацким поселком,
где старые мачты скрипят,
мне, словно волшебный рисунок,
открылось короткое слово,
цветное, что радуга в небе,—
я тихо промолвила: «Ле-нин...»
Прислушалась и замерла...
И вдруг я подумала: «Ленин...
Такое хорошее имя,
наверно, зеленого цвета,
как поле в Латгалии милой,
где бабушка Вилма живет...»
Но тут же слегка усомнилась:
«А если не поле, а море,
седое, в оранжевой пене,
с веселой широкой дорогой
в страну, где гостил Гулливер?..
А если не море, а небо:
там синие ветры играют
с таинственным облаком красным,
которое к нам прилетело,
чтоб дождиком всех одарить?..»
Я долго-предолго гадала
и так ничего не решила.
А поле вдали зеленело.
А море играло, плескалось.
И небо синело кругом.

* * *

Однажды с отцом я гуляла
над бурым обрывом, по тропке.
Пять лет мне исполнилось целых.
Смеялись и плакали чайки,
и парус прощался со мной.
А теплое серое море
катило округлые волны,
а волны шептали, бубнили:
хотели мне важную сказку
до ночи успеть рассказать.
Отец положил свою руку,
горячую руку слепого,
на лоб мой, овеянный морем.
Тогда я спросила: «А Ленин?
Ты с ним наступал на врагов?
Вы вместе дошли до Берлина?
Он кто, генерал или маршал?»
Отец раскурил свою трубку,
подумал и строго ответил:
«Да, с Лениным. Ленин — солдат».
Скрипела отцовская палка.
Мы шли над приморским обрывом.
Я снова спросила: «А Ленин —
он в Риге, наверно, родился?»
«Не в Риге»,— ответил отец.
Потом опустился на камень
и, глядя куда-то далеко,
заточенным кончиком палки
вдруг начал легко, осторожно
лицо рисовать на земле.
Я помню тот четкий набросок:
густые, суровые брови,
три быстрых морщинки у глаза,
усы и упрямые губы...
«Вот Ленин»,— сказал мой отец.

* * *

В реальном и сказочном детстве,
у теплого серого моря,
где рыжие дюжие сосны
гудят над рыбацким поселком,
где старые мачты скрипят,
мне, словно волшебная тайна,
открылось короткое имя,
цветное, что радуга в море,
которое так же, как детство,
я в сердце своем сберегу.

САЛЮТУЕТ СП-19

22 апреля в 5 часов по московскому времени в небо Арктики взлетели разноцветные ракеты, прозвучал залп карабинов и пистолетов: коллектив комсомольско-молодежной дрейфующей станции «Северный Полюс-19» салютовал ленинскому юбилею.

Уже полгода на огромном ледяном острове — толщина его достигает 30 метров — живут двадцать ребят: метеорологи, гидрологи, радисты, океанологи, трактористы, аэрологи, механики, врач и повар. Остров движется по гигантской дуге с востока на северо-запад в девятистах километрах от ближайшего берега. Впервые в истории зимовщики были высажены на лед полярной авиацией в труднейших условиях арктической ночи. Утром 7 ноября 1969 года в черное ночное небо взметнулся флаг Страны Советов.

Полярники (большинство из них, несмотря на молодость, бывалые зимовщики) уже не чувствовали себя новоселами. В домиках и палатках шла нормальная повседневная жизнь. Ну что, казалось, могло угрожать ледяному гиганту площадью более ста квадратных километров? Ветераны Севера не помнили случая разлома таких ледяных островов, не знала такого и наука. Но в ночь с 4 на 5 января Арктика вновь показала, что сюрпризов у нее припасено немало,— вдруг вспучился лед. Через полчаса узенькая змейка трещины превратилась в тридцатиметровое разводье, а разлом все продолжался. Остров раскололся на льдины разной величины. Погибла часть продовольствия и снаряжения, горючее и газ. Трижды переходили ребята с льдины на льдину, перетаскивая на себе тяжелые грузы. Сейчас остров заметно укоротился и резко прибавил скорость. Он буквально мчится к полюсу, преодолевая за сутки по тридцать километров. А в домиках и палатках по-прежнему идет обычная нормальная работа.

В канун ленинского юбилея ЦК ВЛКСМ наградил коллектив полярников за мужество и труд специальным вымпелом, который был вручен по поручению главного комсомольского штаба зимовщикам двадцать второго апреля 1970 года в 5 часов по московскому времени. А часом позже состоялось самое северное комсомольское собрание. Повар Валя Дондуков в этот торжественный день был принят в ряды ВЛКСМ.

Г. КОПОСОВ, М. ЛАВРИК

22 апреля 1970 года. Дрейфующая станция «Северный Полюс-19».

Александр РЕШЕТОВ

Есть в жизни чудо...

Звенит, бренчит будильник заведенный,
Проснулся ты,
Но не смолкает он.
Рукой, еще неверной от покоя,
Ты душишь, тушишь окаянный звон.

Ах, не бренчите рифмами, ребята,
Что в них земле,
А с ней и вам и мне,
Когда нас кличет гром весенний в небе,
Ждет музыка цветенья в тишине!

Как эхо в роще,
Словно сок в березе,
Есть в жизни чудо —
Животворный стих...
Ах, не бренчите рифмами, ребята,
Там, где свободней дышится без них.

Ленинград.

ВСЕСОЮЗНАЯ ЛЕНИНСКАЯ

В юбилейные дни в Центральном выставочном зале Манежа открылась Всесоюзная художественная выставка, посвященная великой дате — 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Около тысячи произведений более семисот пятидесяти авторов — живописцев, скульпторов, графиков пятнадцати советских социалистических республик как бы зазвучали в залах выставки красочной, впечатляющей и величавой ораторией, которую сложило к всенародному празднику советское изобразительное искусство, вдохновленное величием ленинских идей.

Наглядным, живым примером воплощения в жизнь одного из великих предначертаний вождя — ленинской национальной политики предстала на выставке и сама ее многонациональная экспозиция, вобравшая все богатство культур народов Страны Советов.

Главные темы Ленинской Всесоюзной художественной экспозиции — Лениниана, образы народа, волнующий рассказ о современности, не меркнущее воспоминание о пройденных рубежах истории, о битвах за торжество ленинизма. И каждое произведение стало на юбилейной выставке частицей развернутого, многопланового художественного повествования о великой эпохе Ленина.

Гости «Огонька»

ПЕВЕЦ ДРУЖБЫ

На днях у нас побывал популярный американский эстрадный певец Дин Рид. Он, как гость, принимал участие в сессии Президиума Всемирного Совета Мира, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Сын калифорнийского фермера, Дин Рид сейчас живет в Италии. Неутомимый борец за мир, он гневно осуждает американскую агрессию во Вьетнаме.

Рассказав огоньковцам о себе, артист под аккомпанемент гитары исполнил песню «Чтобы ты знал», которую написал для своего маленького сына. В песне говорится, что каждый отец желает мира и счастья своим детям и всем детям планеты.

Дин Рид не только пишет слова, но и музыку к песням. Тема его произведений — дружба между народами, чистое небо над людьми труда...

На прощание Дин Рид подарил нам свое стихотворение, которое мы и публикуем.

Дин РИД

Лозунг планеты

Мир! Мир! Мир! Мир!
Лозунг планеты,
Сердца стук.
Рокот мотора,
Поэта лира,
Запад, Восток,
Север и Юг
Требуют мира,
Требуют мира.
Сотни ветров,
Тысячи вьюг
Слились в один поток.
Но почему же
Огонь орудий?!
Бомбардировщики —
Снова и снова?!
Если повсюду
Звучит это слово —
Мира! Мира! Мира! —
Требуют люди.
Слушайте! Слушайте!
Ветры ответят,
Ветры свободы —
Гор светлые дети:
Если о мире
Твердит Вашингтон —
Этому слову не верьте!
«Мир» Вашингтона —
Тысячи тонн
Атомной смерти,
Новые тонны черного грома,
Бомбардировки опять...
Там,
в коридорах
Белого дома
«Миром» хотят торговать!
Доллар — лжецы уверяют —
Глобален,
Бомбы — они уверяют —
Сильны,
Люди должны быть
Навеки
Рабами
Долларов
и Войны!
Слушайте! Слушайте!
Ветры ответят,
Ветры свободы
Противники смерти:
Бомба и доллар —
Не символы века.
Ветры Свободы сильны.
Битва идет
За права человека,
Битва за мир —
Против войны!

Перевела с английского
Екатерина ШЕВЕЛЕВА.

Ю. МАКЕЕВ

Умная машина мотоцикл

Что значит — купить подержанный мотоцикл? Для одних — это все равно, что ускоренно окончить технический вуз. Через год способный человек, отдавая техническому творчеству все свободное и большую часть рабочего времени, сам расклинивает двигатель, меняет шатуны, растачивает цилиндры и производит прочие таинственные операции. Еще через год он может собрать из любых деталей любой механизм, а года через три он способен руководить конструкторским бюро. Это для одних. Для других же, потребительски относящихся к умной машине, это просто выброшенные деньги. Подержанный мотоцикл как бы говорит: ты не хочешь посвятить мне жизнь — так я отвечу взаимностью — и перестает работать вообще. Однако нет правил без исключений, и таким исключением явился мой сосед по подъезду Витя. Будучи Человеком, который, как говорят, умнее любой машины, он перехитрил своего мотоконя. Мне пришлось быть свидетелем, как он менял у мотоцикла цепь передачи.

Первым делом он справился у друзей, энтузиастов мотоспорта, какую деталь надо заменить. После покупки цепи он вывел свою «Яву» на улицу, положил набок возле тротуара, а запасную цепь бросил рядом. Сам Витя отошел к стене дома и принялся гвоздем увековечивать на ней свое имя. Минут через десять какой-то парень, видимо, возвращавшийся с работы, присел на корточки возле мотоцикла и стал внимательно его разглядывать. Далее группа исследователей и просто зевак росла с быстротой колонии бактерий. Со всех сторон неслись советы и предложения. Двадцать минут спустя наиболее активные механики-любители уже разбирали машину. Из гущи толпы доносилось: «Подай ключ на двенадцать!..» «Потяни-ка колесо!..» Между тем Витя запечатлел на стене свое имя и перешел к краткому изложению биографии, начав с года рождения. Примерно через час все было готово. Когда тот самый парень с торжеством завинтил последнюю гайку, Витя выбросил гвоздь, поставил мотоцикл на колеса, по-хозяйски включил зажигание, завел двигатель и уехал. Толпа, разочарованно поглядев вслед удалявшейся «Яве», тихо разошлась. На месте событий осталась лишь надпись, гласящая, что «ВИТЯ Р. род. 1945 г.».

* * *

Последнее время я Витю не встречаю. Он уехал на мотоцикле на охоту в какую-то глушь, и уже две недели, как должен был вернуться. А вдруг умная машина отказалась работать в дремучем лесу? Там ведь ее никто не починит!

М. АЛЕКСАНДРОВ

Угадай-ка

Не новый фельетон

Сереже недавно открылось великое чудо грамоты, и он был совершенно упоен этим открытием.

— Что ты застреваешь на каждом шагу? — удивлялась мама, когда они вечерами шли домой из детского сада.

— Читаю,— говорил Сережа.

Он читал световую рекламу и вывески. Большие празднично-нарядные буквы складывались в слова, заботливо раскрывали парнишке тайны познания.

«АСТРОНОМ...»

Сережа шевелил губами, повторял, запоминал. Мальчик привык относиться с полным доверием к тому, что говорят или показывают взрослые. Сомнения еще не тревожили его нетронутую душу.

«АСТРОНОМ...»

Теперь он, конечно, запомнит: это просто круглые сыры и желтые баночки с горчицей и серебристые рыбьи спинки, тесно прижавшиеся друг к другу в синей банке с надписью: «Астраханская сельдь».

«ТЕ-ЛЬЕ...»

За широким стеклом витрины красуются, с полной готовностью просветить любознательного парнишку, бледные манекены обоего пола: запоминай, мол, хорошенько, мы и есть «ТЕЛЬЕ».

«БУВЬ...»

Вишь, какое лихое словцо! Что бы оно могло значить?.. Сережа тянет маму за руку — надо же подойти поближе, разглядеть диковинку.

— Что за ребенок! — досадует мама.— Что тут для тебя интересного? Ну, ботинки, туфли...

В это мгновение, подмигнув Сереже, погасла буква.

«УВЬ...»

Только что было «БУВЬ», теперь вдруг стало «УВЬ». Чему верить? У мамы не спросишь. Опять рассердится: перестань, скажет, болтать чепуху.

В детском саду, в своей старшей группе, Сережа находил полное понимание и сочувствие.

— МИНЕР... ДЫ...— делилась Танюша прочитанным вчера.

— Это что! — отмахивался Петя.— У нас на улице есть «ГИ В КАЖДУЮ СЕМЬЮ!» Меня за это поставили в угол...

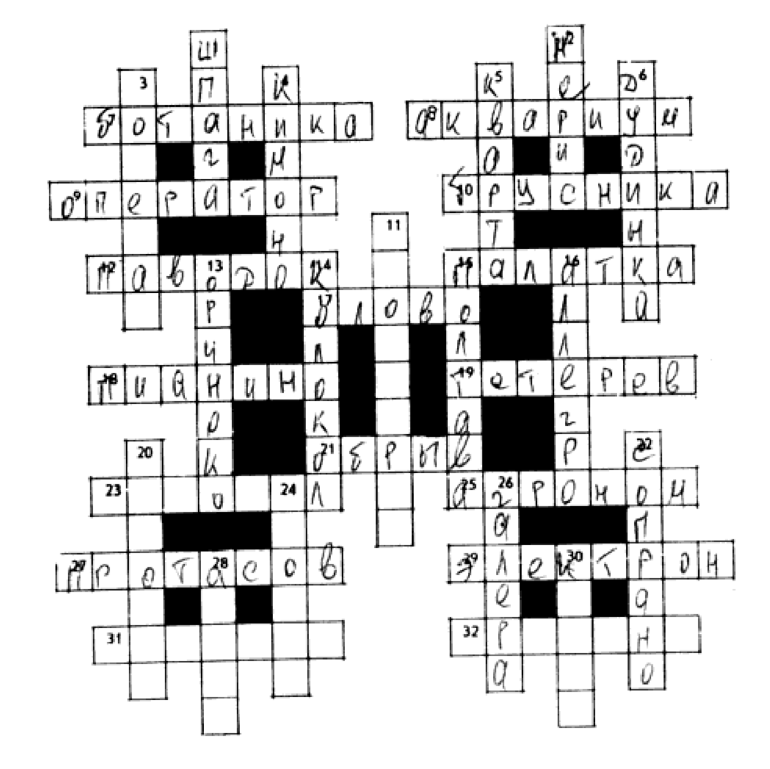
— ЕКА...— вздохнул тихий Боря.— Попало мне за эту дурацкую ЕКУ... А это аптека...

— Ругали? — спросили ребята.

— Ругали...

Погрустив, сходились дети на том, что грамота — штука увлекательная, но вместе с тем и опасная. Неприятностей с ней не оберешься. Или это нарочно шутники дяди играют в угадайку?

...Не нов по теме этот маленький рассказ. Какие уж тут новости! Но не в том ли и беда, что пишут и пишут у нас на эту тему, а разные «ЕКИ» и «ДЫ» по-прежнему горят себе ясным светом?

По горизонтали: 7. Наука о растениях. 8. Искусственный водоем для рыб. 9. Один из создателей фильма. 10. Ягода. 12. Подъем воды в реке. 15. Легкое торговое помещение. 17. Металл. 18. Струнный клавишный инструмент. 19. Лесная птица. 21. Роман И. А. Гончарова. 23. Действующее лицо оперы А. Г. Рубинштейна «Демон». 25. Специалист по сельскому хозяйству. 27. Персонаж драмы Л. Н.Толстого «Живой труп». 29. Элементарная частица. 31. Животное, обитающее в тропиках. 32. Рассказ А. П. Чехова..

По вертикали: 1. Спортивное оружие. 2. Литовская поэтесса. 3. Картина Н. А. Ярошенко. 4. Национальная японская одежда. 5. Мера жидкостей. 6. Порт на берегу Енисея. 11. Прибор для точного измерения коротких интервалов времени. 13. Река в Южной Америке. 14. Газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. 15. Областной центр на Украине. 16. Музыкальная пьеса, исполняемая в быстром темпе. 20. Советский писатель. 22. Женский голос. 24. Русский металлург. 26. Гребное военное судно. 28. Штат в США. 30. Минерал, двуокись кремния.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17

По горизонтали: 5. Зеленоградск. 8. Шивелуч. 9. «Соловей». 12. Ватерпас. 17. Початок. 18. Фарадей. 19. Бровка. 20. Жавари. 22. Берлиоз. 23. Кантеле. 24. Глиптика. 29. Бизерта. 30. «Выстрел». 31. Скороговорка.

По вертикали: 1. Берет. 2. Белуга. 3. Патока. 4. Оскол. 6. «Сильва». 7. Редька. 10. Калорифер. 11. Гипербола. 13. Тосканини. 14. «Порожняки». 15. Водород. 16. Карагач. 19. Болгария. 21. Интерьер. 25. Литера. 26. Крылов. 27. Белка. 28. Стека.

На первой и последней страницах обложки: **В. Штраних.** САЛЮТ ПОБЕДЫ.

ПОРА ВЕСНУШЕК

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Весна выдалась влагообильная.

Яхте скоро в море.

На дачу...

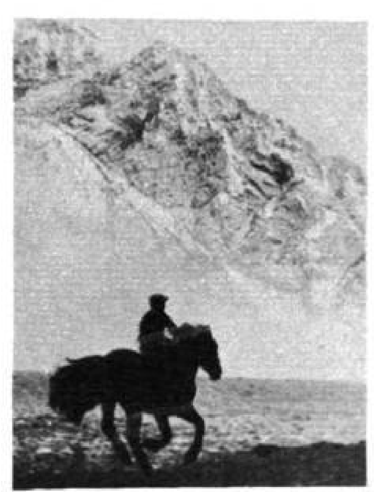
Ждать осталось недолго.

ПОРА ВЕСНУШЕК

После звонка.

Слишком буйное цветение.

Всадники.

Весенние хлопоты.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Е. М. КАЗАКОВА

— Эй, рыболовы! Удочки свои оставили!

Рисунок А. Алешичева.

— Это шуба из меха кенгуру.

Рисунок В. Тильмана.

— Там у ребенка больше свежего воздуха.

Рисунок В. Воеводина.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 14/IV-70 г. А 00375. Подп. к печ. 28/IV-70 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 2 200 000 экз. Изд. № 689. Заказ № 1064.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

